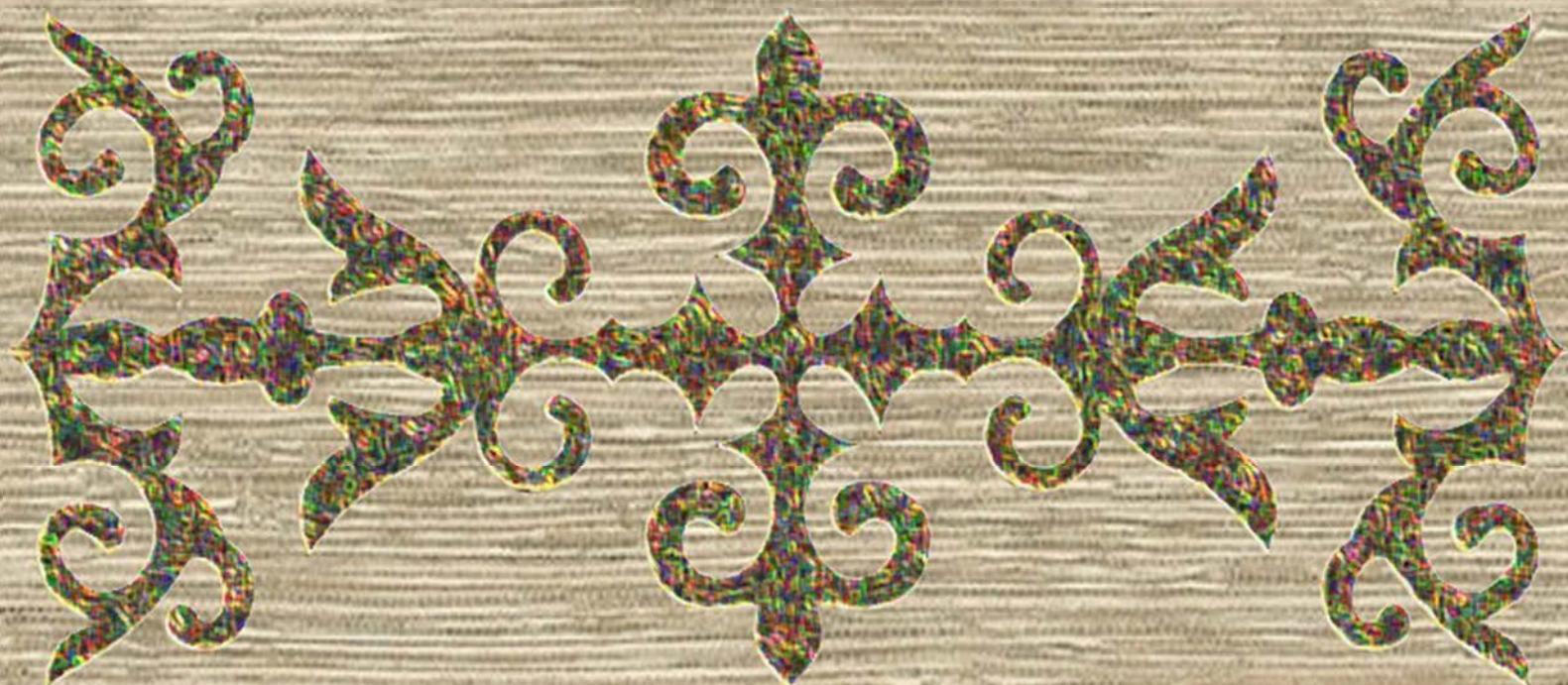
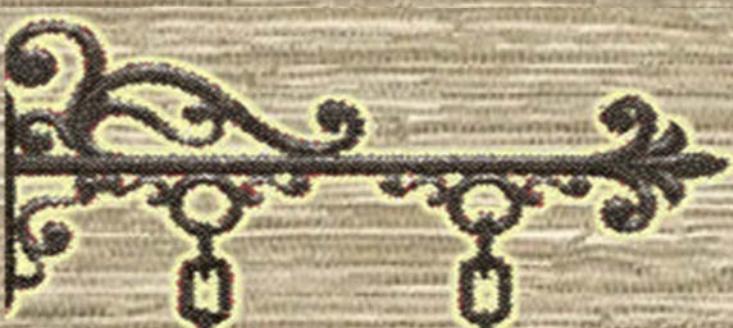

Роберт Фрост

ПЕРЕВОДЫ

перевод
Вадима БЕЛЯКОВА

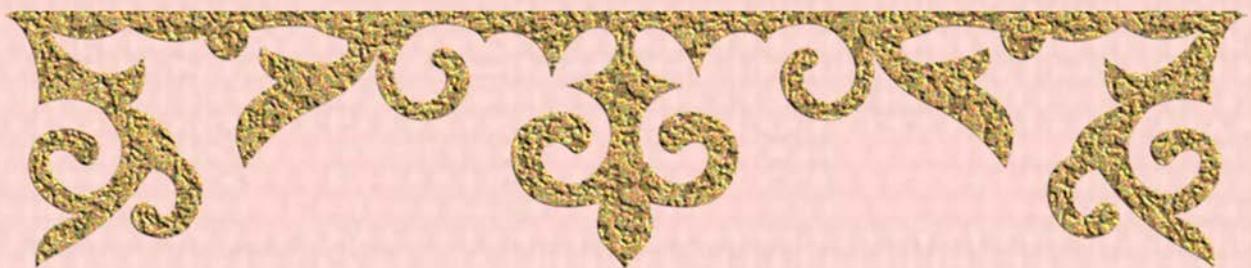
Роберт Фрост. ПЕРЕВОДЫ

Данное издание не имеет ограничений по возрасту и полу.

Сборник оригинальных стихотворений Роберта Фроста в переводе Вадима Белякова, «Памяти поэта» (краткая биографическая справка) – 2016 год.

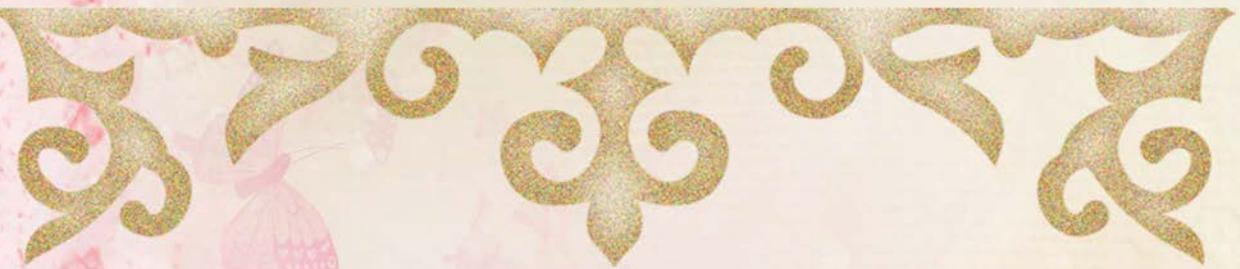
Роберт ФРОСТ

Переводы

1874 – 1963

Памяти поэта

(Краткая биографическая справка)

Роберт Ли Фрост (англ. ROBERT LEE FROST, 26 марта 1874, Сан-Франциско — 29 января 1963, Бостон) - один из крупнейших поэтов в истории США, четырежды лауреат Пулитцеровской премии (1924, 1931, 1937, 1943).

Свое имя получил в честь Роберта Ли, главнокомандующего армией Конфедерации во время Гражданской войны. Отец умер от туберкулеза, когда Фросту было 11 лет. Получил воспитание в доме деда и в Дартмутском колледже. В 1895 г. женился на однокласснице Элинор Уайт, годом раньше напечатал первую подборку стихов. Некоторое время работал школьным учителем и фермером. В 1897-99 гг. посещал Гарвардский университет. Из шестерых детей Роберта и Элинор двое умерли в младенчестве. Многочисленные потери, с которыми ему пришлось столкнуться в молодости, предопределили стоический пессимизм фростовского мироощущения.

Первое десятилетие XX века семья Фроста провела в весьма стеснённых материальных обстоятельствах на ферме в Нью-Хэмпшире. В США его стихи не находили издателя,

поэтому на пороге сорокалетия Роберт Фрост принял непростое решение — продать ферму и начать литературную карьеру заново в Лондоне, куда он отбыл в августе 1912 г. Там при содействии Эзры Паунда ему удалось опубликовать (в 1913 г.) свой первый стихотворный сборник «*A BOY'S WILL*», в котором ощущается влияние Вордсворта и Роберта Браунинга.

Внешней канвой стихов Фроста на протяжении всего его творческого пути оставались сельские реалии Новой Англии. Поэт рисует жителей сельской местности за повседневными занятиями, которые в его трактовке приобретают глубокую философскую подоплёку («*MOWING*»). Его излюбленный лирический герой - фермер из Нью-Хэмпшира. Все эти черты в полной мере проявились во втором сборнике «*NORTH OF BOSTON*» (1914), многие стихотворения из которого стали хрестоматийными и подлежат обязательному изучению в американских школах (напр., «*MENDING WALL*»).

После начала Первой мировой войны Фрост вернулся в Нью-Хэмпшир, где приобрёл новую ферму, которая, впрочем, не приносila ему прибыли. Его слава на родине постепенно росла, и в 1923 г. его четвёртая книга «*NEW HAMPSHIRE*» (Нью-Гемпшир) была удостоена Пулитцеровской премии. В неё входят пространные сюжетные стихотворения «Жены Пола», «Ведьмы с Коса» и более лапидарная и изящная медитативная лирика. Направленность на философичность и утончённый психологизм отличают «Местами голубое», «Огонь и лёд», «Всё золотое зыбко». В стихах тех лет косвенно отразилось изучение Фростом древнегреческих трагиков, особенно Еврипида. Остаток своей жизни национальный поэт США

проводил, проживая в кампусах различных университетов Новой Англии, зачастую в качестве приглашенного лектора.

В зрелые годы Фрост часто обращается к форме сонета, на первый план выступают мотивы безысходного одиночества и отчужденности («ACQUAINTED WITH THE NIGHT»). Стихи позднего Фроста насыщены метафизическим подтекстом («DIRECTIVE») и прямыми библейскими аллюзиями («NEVER AGAIN WOULD BIRDS' SONG BE THE SAME»). Последний сборник стихов поэта — «IN THE CLEARING» — появился в 1962 г. В том же году Фрост посетил СССР, где состоялась его встреча с Анной Ахматовой, она прочла ему свое новое стихотворение «Последняя роза» с эпиграфом из И. Бродского.

Анна Ахматова

«Последняя роза» (1962 г.)

«...Опирай на ладонь свою висок,
Вы напишите о нас наискосок.»

И.Б.

Мне с Морозовой класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дионы,
Чтобы с Жанной на костёр опять.
Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Всё возьми, но этой розы аloy
Дай мне свежесть снова ощутить.

В 1999 году посольство США в Москве отмечало 125-летие со дня рождения Роберта Фроста. В торжествах принимал участие американский писатель Франклайн Рив, спутник Фроста во время его пребывания в России и автор книги об этой поездке.

Франклайн Рив произнёс речь «Памяти поэта» в этот юбилейный день, которую публикуем полностью. Также вы, уважаемые читатели этого издания, можете ознакомиться с выдержками из книги Франклина Рива “Роберт Фрост в России” в следующих частях книги «ПЕРЕВОДЫ».

«Памяти поэта»

(перевод с английского Людмилы Мотылёвой)

26 марта - сорок лет назад - издатели Роберта Фроста устроили в честь его 85-летия торжественный ужин в нью-йоркском отеле “Уолдорф-Астория”. Лайонел Триллинг потряс литературный мир, назвав юбиляра “в его грандиозный, почти софокловский день рождения” “устрашающим поэтом”, который, подобно другим писателям, принадлежащим американской классической традиции, полностью сбросил кожу старого европейского сознания, сформировав под ней новое сознание.

“Художник, обычно, гнусный лжец, - сказал Фрост - но его искусство скажет вам правду о его времени. Это все, что имеет значение... времена меняются, и правда меняется. Не верьте художнику. Верьте рассказу”.

Разумеется, Фрост не был лжецом. Таков был ошеломляющий тезис Триллинга. Подлинный Фрост, значимый Фрост не был поэтом с демократичной, общедоступной стилистикой, утешителем тех, кого озлобила современная действительность, певцом старинных добродетелей, старинных сожалений, старинных чувствований - короче, не был тем Фростом, за которого позволял себя принимать. “Мои читатели делятся на четыре группы. Одна четверть любит меня по неверным мотивам, другая четверть любит меня по верным мотивам, еще одна четверть ненавидит меня, по неверным мотивам, и последняя четверть ненавидит меня по верным мотивам. Вот эта последняя четверть меня беспокоит”. Своим выступлением Триллинг превратил эту четвертую часть читателей в сторонников Фроста, указав на преодоление пустоты и распада благодаря внутреннему самосознанию в таком замечательном стихотворении, как “Ни далеко, ни глубоко”. Тогда все критики поняли, что Фрост был и остается абсолютно современным поэтом, чьи метафоры, персонажи и образы своей ироничностью, обособленностью и замкнутой на себя изолированностью, своей серьезностью, которая подчеркивает их сдержанный юмор и зачастую выраженную в них нежность, могут в определенном смысле умиротворять нас, но только после того, как вначале сразят наповал необычайной мощью. Его метафоры, как и метафоры поэтов XIX века, не нагружены символикой.

“Я не могу согласиться с теми, кто считает меня символистом, особенно таким, который занимается символизмом предумышленно, - сказал Фрост. - Символизм вполне способен закупорить стих и уничтожить его. Символизм может быть так же опасен, как эмболия. Если нужно как-то окрестить мою

поэзию, я предпочел бы называть ее эмблематизмом. Живая эмблема явлений - вот предмет моих поисков”.

Фрост всегда острил по поводу своей политической позиции и очень хотел дожить до 1976 года, чтобы быть всего в два раза моложе своей страны. “В юности я никогда не позволял себе быть радикалом из-за боязни в старости стать консерватором”, - афористично написал Фрост. Вскоре он объявил, что “красота социализма в том, что он покончит с индивидуализмом, который вечно кричит: не вмешивайся в чужие дела”. Теренций ответил бы: “Все человеческие дела - мои дела”, и Фрост доказал это в 1962 году, когда приехал в Россию, чтобы лично поговорить с Хрущевым. Он намеревался призвать к гуманности упрямого русского бычка, которым так восхищался. Несмотря на подстрекательски-успокоительное содержание политической пастиорали “Обустрой землю”, в конце стихотворения Фрост в доверительной манере полушиутя обращается к своему читателю: “Я предлагаю тебе совершить индивидуальную революцию”. Поэзия - великий разрушитель обособленности. Подобно Йейтсу, Фрост начинает изображать пасторальный ландшафт, и образ Америки в его поэзии является пасторальным, но подлинная Америка, живущая в стихах Фроста, так же, как и подлинная Ирландия Йейтса, трагична.

Теперь, по прошествии лет, мы можем проследить путь Фроста от ранних стихотворений, таких, как, например, “К себе” (впоследствии он включил его в свою первую книгу), к откровенным высказываниям о происхождении стихов,

возвращему мастерству и изощренной разработке излюбленных тем. Если заглавие для его первой книги “Прощание с юностью” отсылает к стихотворению Лонгфелло “Моя утраченная юность” (“Юность промчится, как ветер, как птица, Но память о юности вечно жива...”), а заглавия для более поздних сборников взяты им из жизни и создают привязку к конкретной местности: “Между горами”, “Нью-Гэмпшир”, “Западная река”, - то стихотворные размеры, которыми написаны его лирика и драматические произведения, вполне традиционны и восходят к классическому ямбу и разговорному дольнику. “Поэт должен соображать на ходу, как тот, кто прыгает через скакалку... стихотворение утратит свежесть, если его сначала продумать, а потом зарифмовать... Стихотворение — это эмоция, возникающая одновременно с мыслью... Единственное, к чему надо прислушиваться, — это к своему внутреннему состоянию”.

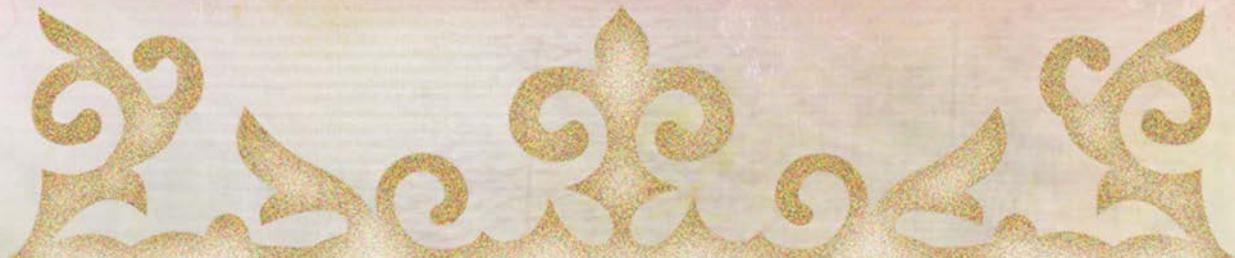
Оставив позади выползину старого европейского сознания и нарастив новое, американское, Фрост стал неотъемлемой частью американской и мировой классической традиции. Он не занимает столь почетного места, как Пушкин, и ему не 200, а только 125 лет, но он не в меньшей степени сознавал себя национальным поэтом. Он был поэтом сугубо американским, и его преподавательская деятельность имела такое же значение, как и предпринятое Пушкиным издание “Современника”. В день фростовского юбилея было бы полезно и поучительно вспомнить, что самое популярное творение величайшего русского поэта, оказавшего определяющее влияние на современную литературу и культуру, - безыскусный и изящный стих о любви “Я помню чудное мгновенье...”. Ту же безыскусность и изящество мы находим в утонченном любовном сонете Фроста:

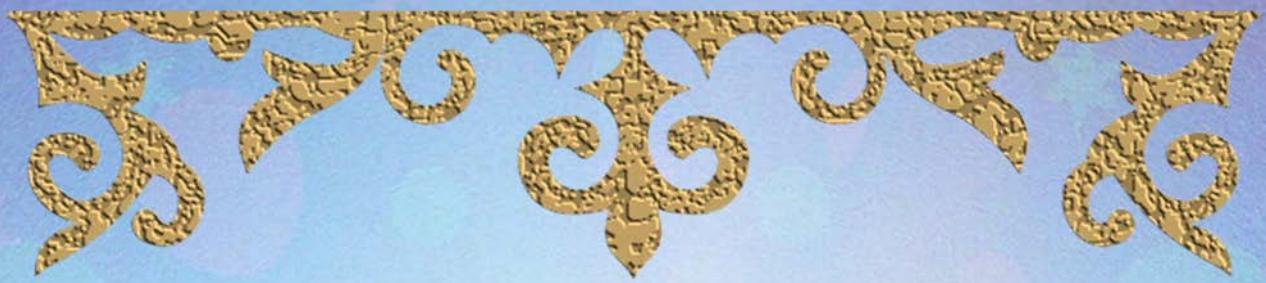

«Шёлковый шатер»

Она - как в поле шелковый шатер,
Под ярким летним солнцем поутру
Неудержимо рвущийся в простор
И вольно парусящий на ветру.
Но шест кедровый, остирем своим
Сквозь купол устремленный к небесам,
Как ось души, стоит неколебим
Без помохи шнуром и кольев - сам.
Неощутимым напряженьем уз
Любви и долга к почве прикреплен,
Своей наилегчайшей из обуз
Почти совсем не замечает он;
И лишь, когда натянется струна,
Осознает, что эта связь прочна.

В мелких частностях искусства скрыты великие тайны;
разгадать их - нелегкая задача. Мы шлем горячие поздравления
и выражаем глубокую признательность двум юбилярам, чьи
напряженный труд и великая сила воображения обогатили
наши жизни и обе наши культуры.

ПЕРЕВОДЫ

Сборник стихотворений Роберта Фроста
в переводе Вадима Белякова.

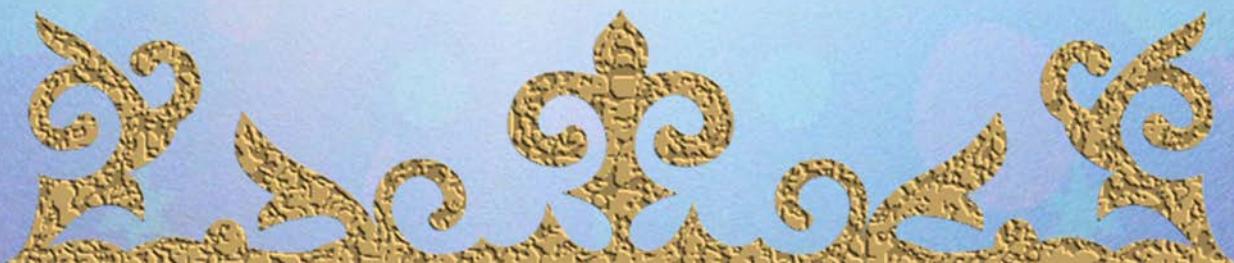
«Бытует мнение, что «от перевода, как и от женщины, нельзя требовать, чтобы он был одновременно и красивым, и верным».

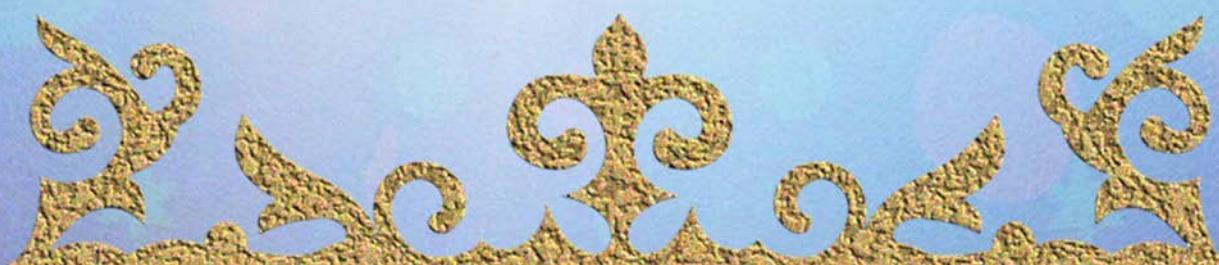
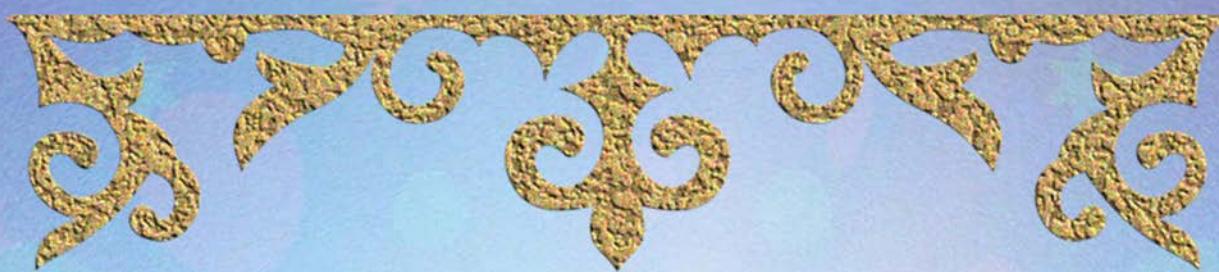
Но, на мой взгляд, это только оправдание неудачным переводам.

Переводчик сам должен быть мастером достойным уровня автора оригинала, а это случай редкий.

С уважением к творчеству Роберта Ли Фроста.»

Вадим Беляков

Корова в яблочный сезон

Корову вдохновляет каждый год
Свалить ограду рядом у ворот,
Строителей заборов нет глупей.
На морде смесь из мякоти, слюней
И сока яблок. Скушав сладкий фрукт,
С презреньем смотрит на засохший луг.
Меж яблонь бегает, куда поманит взгляд
Хмельной червивой падалицой сад.
Надкусит, бросит чуть завидев мух.
Мычит, но небосвод к корове глух.
А вымени сосок увял и сух.

The Cow In Apple Time

Something inspires the only cow of late
To make no more of a wall than an open gate,
And think no more of wall-builders than fools.
Her face is flecked with pomace and she drools
A cider syrup. Having tasted fruit,
She scorns a pasture withering to the root.
She runs from tree to tree where lie and sweeten.
The windfalls spiked with stubble and worm-eaten.
She leaves them bitten when she has to fly.
She bellows on a knoll against the sky.
Her udder shrivels and the milk goes dry.

Запертые снаружи (Как говорить с детьми)

Когда мы запирали дом,
Оставив в темноте ночи
Цветы без света под окном.
Я спал, но подобрать ключи
Скребясь об дверь бутон готов,
Привычки переняв воров.
Никто цветам не досаждал!
Настурции цветок с утра
Со стеблем сломанным лежал.
Но на себя я взял вину:
Всегда я думал было так,
Я, засмотревшись на луну,
Играя, сам помял цветок.

Locked out (As told to a child)

When we locked up the house at night,
We always locked the flowers outside
And cut them off from window light.
The time I dreamed the door was tried
And brushed with buttons upon sleeves,
The flowers were out there with the thieves.
Yet nobody molested them!
We did find one nasturtium
Upon the steps with bitten stem.
I may have been to blame for that:
I always thought it must have been
Some Hower I played with as I sat
At dusk to watch the moon down early.

В оптике прицела *

Рвёт паутину выстрела волна,
Успела стебель срезать над гнездом
И грудь бойца окрасила пятном.
Цветок сломала пополам война.
Но птица на гнезде забот полна.
А бабочка, что потеряла дом,
Круг сделала над сломанным цветком,
И вновь висит дрожа на нём она.

Над пустотой пастушечьих полей
Круги сетей паучьих меж стеблей
Прогнулись от серебряной росы.
Её стряхнул летящей пули звук.
На встречу с мухой выбежал паук,
Но зря проснулся, в ранние часы.

*Стихотворение посвящено памяти Эдварда Томаса, английского поэта, погибшего на Первой мировой войне, близкого друга Фроста.

Range-Finding

The battle rent a cobweb diamond-strung
And cut a flower beside a ground bird's nest
Before it stained a single human breast.
The stricken flower bent double and so hung.
And still the bird revisited her young.
A butterfly its fall had dispossessed

A moment sought in air his flower of rest,
Then lightly stooped to it and fluttering clung.

On the bare upland pasture there had spread
O'ernight 'twixt mullein stalks a wheel of thread
And straining cables wet with silver dew.
A sudden passing bullet shook it dry.
The indwelling spider ran to greet the fly,
But finding nothing, sullenly withdrew.

Прочь!

Блуждал не мало
В пустыне тут,
Ботинок пара
Не сильно трут.

Друзья бродяги
Скажу я вам:
На тризне браги
Напейтесь в хлам.

И в ада чрево
Шагну я сам,
Не так, как с Евой
Ушёл Адам.

В изгнанье выгнан
Не только я,
За что-то выбран,
А может для.

Неправ я, право,
Но не помочь.
Под песню браво
Я прыгну прочь.

Благополучно
Назад приду,
Коль станет скучно
Когда умру.

Away!

Now I out walking
The world desert,
And my shoe and my stocking
Do me no hurt.

I leave behind
Good friends in town.
Let them get well-wined
And go lie down.

Don't think I leave
For the outer dark
Like Adam and Eve
Put out of the Park

Forget the myth
There is no one I
Am put out with
Or put out by.

Unless I'm wrong
I but obey

The urge of a song:
“I’m---bound-away!”

And I may return
If dissatisfied
With what I learn
From having died.

Зимний Эдем

Ольхи сад зимний в солнце средь болот
И кроликов любовный хоровод.
Быть ближе к раю можно ли, когда
Деревья спят, не тронуты снега.

Жизнь поднялась на снежные поля
Чуть выше, чем лежит внизу земля,
Чуть ближе до синеющих глубин,
К последним алым капелькам рябин.

И может наслаждаться тощий кроль,
На снег встав, яблонь нежною корой.
Он след оставит ловкости своей
Кольцом вокруг объеденных ветвей.

Рай сводится к любви в конце концов:
В том суть игры взрослеющих птенцов,
Вид важный сделать, облетев кусты,
Решить что в почках листья иль цветы

Издаст крыло овсянки дважды звук.
Потухнет день в Эдеме после двух.
Часов не много в кратком зимнем дне
Чтоб радость жизни испытать вполне.

A Winter Eden

A winter garden in an alder swamp,
Where conies now come out to sun and romp,
As near a paradise as it can be
And not melt snow or start a dormant tree.

It lifts existence on a plane of snow
One level higher than the earth below,
One level nearer heaven overhead,
And last year's berries shining scarlet red.

It lifts a gaunt luxuriating beast
Where he can stretch and hold his highest feat
On some wild apple tree's young tender bark,
What well may prove the year's high girdle mark.

So near to paradise all pairing ends:
Here loveless birds now flock as winter friends,
Content with bud-inspecting. They presume
To say which buds are leaf and which are bloom.

A feather-hammer* gives a double knock.
This Eden day is done at two o'clock.
An hour of winter day might seem too short
To make it worth life's while to wake and sport.

*Hammer: овсянка (Emberiza), Hellow hammer: обыкновенная овсянка (Emberiza citrinella)

Девичий огород

Любила соседка в деревне
Рассказывать, как весной,
На ферме она увлекалась
Наивной игрой.

Однажды она попросила
Отца дать надел земли,
Самой чтобы сжать и посеять,
Сказал он: «Бери!»

Искал он пустой уголочек
Там, где лишь грибы растут,
За изгородью, где сарайчик,
Сказал: «Это тут!»

Сказал: «Сад здесь сделать возможно,
И будет он очень мил,
Он худосочным ручкам даст шанс
Впитать каплю сил.

Здесь места немного для грядок
И не развернётся плуг»
Взялась она смело за дело,
Не жалея рук.

Возила вдоль улицы в тачке
Она пахучий навоз,
Но от проходящих скрывала,
Что содержит воз.

Семян дать она умоляла:
Дайте, ну будьте добры!
Мечтала, выращивать будет
Всё кроме травы

И в каждую грядку с картошкой
Салат посадила и лук,
Томаты, бобы, и редиску,
Пусть вместе растут.

И долго ей после казалось,
Ту яблоню, где стена,
Что и по сей день плодоносит,
Сажала она.

Была грандиозная жатва,
И было там много всего,
Собрала она понемногу
Почти ничего.

И с той поры в нашей деревне,
Видя лопату в руках,
Она прибегает с советом:
«А я знаю, как!

Когда я трудилась на ферме....»
О нет! Не слушай совет!
Но байку рассказывать дважды,
Греха на ней нет.

A Girl's Garden

A neighbor of mine in the village
Likes to tell how one spring
When she was a girl on the farm, she did
A childlike thing.

One day she asked her father
To give her a garden plot
To plant and tend and reap herself,
And he said, "Why not?"

In casting about for a corner
He thought of an idle bit
Of walled-off ground where a shop had stood,
And he said, "Just it."

And he said, "That ought to make you
An ideal one-girl farm,
And give you a chance to put some strength
On your slim-jim arm."

It was not enough of a garden,
Her father said, to plough;
So she had to work it all by hand,
But she don't mind now.

She wheeled the dung in the wheelbarrow
Along a stretch of road;
But she always ran away and left
Her not-nice load.

And hid from anyone passing.
And then she begged the seed.
She says she thinks she planted one
Of all things but weed.

A hill each of potatoes,
Radishes, lettuce, peas,
Tomatoes, beets, beans, pumpkins, corn,
And even fruit trees

And yes, she has long mistrusted
That a cider apple tree
In bearing there to-day is hers,
Or at least may be.

Her crop was a miscellany
When all was said and done,
A little bit of everything,
A great deal of none.

Now when she sees in the village
How village things go,
Just when it seems to come in right,
She says, "I know!"

It's as when I was a farmer—"—
Oh, never by way of advice!
And she never sins by telling the tale
To the same person twice.

Листва в сравнении с цветами

Быть может, хороша листва,
Как ветвь и как стрела ствола,
Но с корнем плохо что-нибудь,
Цветы с плодами позабудь.

Но я свободен от забот,
Цветёт ли древо, есть ли плод.
Листва гладка, кора груба,
Вот всё, в чём дерева судьба.

Порой огромны дерева
А цвет их разглядишь едва.
Я древний папоротник сам.
Но в пору стать лишайником.

Я средь людей искал ответ,
Листва милее или цвет.
Но отшутились от меня,
Лист для ночи, цветок для дня.

К коре ствола прижмись, в листве
Ответ расслышшишь в темноте.
Цветка однажды было жаль.
В листве же вся моя печаль.

Leaves Compared With Flowers

A tree's leaves may be ever so good,
So may its bar, so may its wood;
But unless you put the right thing to its root
It never will show much flower or fruit.

But I may be one who does not care
Ever to have tree bloom or bear.
Leaves for smooth and bark for rough,
Leaves and bark may be tree enough.

Some giant trees have bloom so small
They might as well have none at all.
Late in life I have come on fern.
Now lichens are due to have their turn.

I bade men tell me which in brief,
Which is fairer, flower or leaf.

They did not have the wit to say,
Leaves by night and flowers by day.

Leaves and bar, leaves and bark,
To lean against and hear in the dark.
Petals I may have once pursued.
Leaves are all my darker mood.

Им не вести Священную Войну

Стран сильных, чтоб нести добро, немного,
Не больше трёх тех, что крупнее всех,

Вполне им в пору дел великих тога.
А малым и рутиной жить не грех.

Их участь только присоединиться
К альянсу и смотреть со стороны,

Как будет мир гигантами делиться,
Разрушенный в течение войны.

О, Боже, видишь ты, как нравы грубы?
В чём истинные замыслы твои?

Не видно ни Швейцарии, ни Кубы
В ниспосланных спасителях земли.

Не быть им на полях Святой Войны,
Лишь раздражать великих созданы.

No Holy Wars for Them

States strong enough to do good are but few,
Their number would seem limited to three,
Good is a thing that they, the great, can do,
But puny little states can only be.
And being good for these means standing by
To watch a war in nominal alliance,
And when it's over watch the worlds supply
Get parceled out among the winning giants.
God, have You taken cognizance of this?
And what on this is Your divine position?
That nations like the Cuban and the Swiss
Can never hope to wage a Global Mission.
No Holy Wars for them. The most the small
Can ever give us is a nuisance brawl.

Медведь ствол обнял, весь прижавшись к древу,
И завалил, как чувственную деву,
И вишни губ лобзал, как в час разлуки,
Вдруг в небо отпустил, ослабив руки.
Затем шагнул, с ограды камень сбросил
(оставив след, где он бродил под осень).
По проволоке проскрипел калёной
И уколовшись бросился сквозь клёны,
На шип железный шерсти клок повесив.
Без клетки вольно он обходит веси.

Медведь в своих владениях свободен.
Тебе и мне мир вольный не угоден.
Но человек медведем в тесной клетке,
Психует, дёргается как марионетки,
Путь разума, душою отвергая,
Туда-сюда без устали шагает,
Как маятник не знающий покой,
То щёлкнет ногтём, шаркая ногой,
От микроскопа и до телескопа,
Не выбрав инструмент с наскока,
Не может отодвинуть свой предел.
Иль отдыхая от научных дел,
Качая праздной головой, умел
Её так от плеча к плечу мотать,
Мог будто метафизику обять.
Без дела сев на свой огромный зад,
Поднимет рожу, закатив глаза,
(И молится почти, но только нет)
Качаясь словно на волнах ковчег,
От крайности, что выдал древний грек,
То соглашаясь, прав не этот грек,
Не выбрав, есть ли истина навек.
Чуть мешковат, душою чернокнижник,
Сиделец равно он, как и подвижник.

The Bear

The bear puts both arms around the tree above her
And draws it down as if it were a lover
And its choke cherries lips to kiss good-by,
Then lets it snap back upright in the sky.
Her next step rocks a boulder on the wall

(She's making her cross-country in the fall).
Her great weight creaks the barbed wire in its staples
As she flings over and off down through the maples,
Leaving on one wire tooth a lock of hair.
Such is the uncaged progress of the bear.
The world has room to make a bear feel free;
The universe seems cramped to you and me.
Man acts more like the poor bear in a cage,
That all day fights a nervous inward rage,
His mood rejecting all his mind suggests.
He paces back and forth and never rests
The me-nail click and shuffle of his feet,
The telescope at one end of his beat,
And at the other end the microscope,
Two instruments of nearly equal hope,
And in conjunction giving quite a spread.
Or if he rests from scientific tread,
'Tis only to sit back and sway his head
Through ninety-odd degrees of arc, it seems,
Between two metaphysical extremes.
He sits back on his fundamental butt
With lifted snout and eyes (if any) shut
(He almost looks religious but he's not),
And back and forth he sways from cheek to cheek,
At one extreme agreeing with one Greek
At the other agreeing with another Greek
Which may be thought, but only so to speak.
A baggy figure, equally pathetic
When sedentary and when peripatetic.

Прощальные слова Синей птички* (Как говорить с детьми)

Когда я вышел из дома
Каркнула басом ворона:
«Как раз тебя я искала
Здравствуй сначала!
Я прилетела сказать,
Могли бы вы передать
Лесли, что Синяя птичка,
Кстати, моя сестричка,
Встретила северный ветер
Утром меж звёзд на рассвете,
Снежную он варит кашу,
И прихватил птичку кашель,
Хвост подморозила даже.
Просила лишь на прощанье
Ей передать «До свиданья!»,
Хорошо быть, при том
Красный носить капюшон,
Выследить за зиму скунса,
Остерегаясь укуса.
Дела вокруг все успеть,
Весной как станет теплеть,
Птичка вернётся, чтоб петь».

The Last Word of a Blue Bird* As told to a child

As I went out a Crow
In a low voice said, "Oh,
I was looking for you.

How do you do?
I just came to tell you
To tell Lesley (will you?)
That her little Bluebird
Wanted me to bring word
That the north wind last night
That made the stars bright
And made ice on the trough
Almost made him cough
His tail feathers off.
He just had to fly!
But he sent her Good-by,
And said to be good,
And wear her red hood,
And look for the skunk tracks
In the snow with an axe-
And do everything!
And perhaps in the spring
He would come back and sing.”

*Лазурные птицы (Bluebird), сиалии (лат. Sialia) — род птиц семейства дроздовых отряда воробьинообразных.

Входи!

Я лишь к опушке подошёл,
Чу! Трель дрозда!
В вечерний сумеречный час,
Там тьма всегда.

Для птицы слишком тёмен лес,
Ей бы успеть

Найти в лесной глуши ночлег,
Но важно спеть.

На запад скрылся солнца луч,
День позади.
Лишь только песня у дрозда
Звенит в груди.

Встал колоннадой чёрный лес,
А песни звук
Как будто призывал войти
В печали круг.

Но нет, снаружи подожду
Свою звезду.
И даже если позовут,
Я не пойду.

Come In

As I came to the edge of the woods,
Thrush music -- hark!
Now if it was dusk outside,
Inside it was dark.

Too dark in the woods for a bird
By sleight of wing
To better its perch for the night,
Though it still could sing.

The last of the light of the sun
That had died in the west
Still lived for one song more

In a thrush's breast.

Far in the pillared dark
Thrush music went --
Almost like a call to come in
To the dark and lament.

But no, I was out for stars;
I would not come in.
I meant not even if asked;
And I hadn't been.

Узы и свобода

Любовь планету обняла,
Закрыв руками от беды,
Вокруг воздвигнув стен ряды.
Для мысли ширь земли мала,
Когда есть смелых два крыла.

В снегу, в песке следы бегут
Объятий истинной Любви
Тропинками вокруг земли.
Мечта Любви остаться тут.
Мысль хочет сбросить тяжесть пут.

Мысль ночью между звёзд руля,
Седлает Сириуса диск,
Но день её спускает вниз,
Дымятся перья от огня,
Вновь принимает Мысль земля.

Мысль воспаряет высоко.
Любовь же будучи рабой,
Владеет всею красотой,
Что ищет Мысль далеко,
И не достанется легко.

Bond and Free

Love has earth to which she clings
With hills and circling arms about—
Wall within wall to shut fear out.
But Thought has need of no such things,
For Thought has a pair of dauntless wings.

On snow and sand and turf, I see
Where Love has left a printed trace
With straining in the world's embrace.
And such is Love and glad to be.
But Thought has shaken his ankles free.

Thought cleaves the interstellar gloom
And sits in Sirius' disc all night,
Till day makes him retrace his flight,
With smell of burning on every plume,
Back past the sun to an earthly room.

His gains in heaven are what they are.
Yet some say Love by being thrall
And simply staying possesses all
In several beauty that Thought fares far
To find fused in another star.

На заброшенном кладбище

Живой, идёт на холм тропой
Прочесть стихи могильных плит.
Здесь только надпись жизнь таит,
Но мёртвый не найдёт покой.

В стихах одно за разом раз:
«Пока ты жив, зашёл на час,
Проникнуть в смысл печальных фраз,
А завтра не покинешь нас».

Но только в мраморе строка
Смысл растеряла за века,
Усопших больше не везут,
Где пролегает их маршрут?

Камням так хочется сказать,
От смерти нас бросает в дрожь,
Мы перестали умирать.
А вдруг, они поверят в ложь.

In a Disused Graveyard

The living come with grassy tread
To read the gravestones on the hill;
The graveyard draws the living still,
But never anymore the dead.

The verses in it say and say:
"The ones who living come today
To read the stones and go away
Tomorrow dead will come to stay."

So sure of death the marbles rhyme,
Yet can't help marking all the time
How no one dead will seem to come.
What is it men are shrinking from?

It would be easy to be clever
And tell the stones: Men hate to die
And have stopped dying now forever.
I think they would believe the lie.

Открытое гнездо

Ты мог всегда найти себе игру.
И я, тебя увидев на коленях,
Пытающимся вновь поднять траву,
Что поутру покошена была,
Решил я, что помочь тебе могу,
Коль в том идея, приложив уменье,
Вид сделать, что трава опять жива
И снова может к корню прирасти.
Но ты меня невольно обманул,
Ты беспокоился не о цветах,
Не папоротнике в твоих в руках,
Не клевере с поникшей головой.
Гнездо с птенцами было на земле,

Что как-то уцелело под косой
(Лишь чудо помогло его спасти),
Осталось без защиты от жары.
И ты решил щит сделать из травы,
Закрыв от солнца с южной стороны,
Найдя решенье верное вполне.
Мы беспокоились вокруг гнезда,
Как птица-мать, не думая тогда,
Что не даём вернуться ей сюда.
И я спросил, что если птицу-мать
Гнезда обеспокоит новый вид,
Заботе птицы рады не всегда.
Но этого мы не могли узнать.
Мы принимали риск, творя добро,
Отважившись решить, как быть должно,
Не думали мы, что щит наш навредит,
Считая, солнце большая беда.
Хотелось в это верить. Что сказать?
Вернулись вскоре мы к другим делам.
И я об этом позабыл. - А ты? -
На место то вернуться, чтоб узнать,
Вернулась ли их мать до темноты,
И полетят ли к осени птенцы.

The Exposed Nest

YOU were forever finding some new play.
So when I saw you down on hands and knees
In the meadow, busy with the new-cut hay,
Trying, I thought, to set it up on end,
I went to show you how to make it stay,

If that was your idea, against the breeze,
And, if you asked me, even help pretend
To make it root again and grow afresh.
But 'twas no make-believe with you to-day,
Nor was the grass itself your real concern,
Though I found your hand full of wilted fern,
Steel-bright June-grass, and blackening heads of clover.
'Twas a nest full of young birds on the ground
The cutter-bar had just gone champing over
(Miraculously without tasting flesh)
And left defenseless to the heat and light.
You wanted to restore them to their right
Of something interposed between their sight
And too much world at once—could means be found.
The way the nest-full every time we stirred
Stood up to us as to a mother-bird
Whose coming home has been too long deferred,
Made me ask would the mother-bird return
And care for them in such a change of scene
And might our meddling make her more afraid.
That was a thing we could not wait to learn.
We saw the risk we took in doing good,
But dared not spare to do the best we could
Though harm should come of it; so built the screen
You had begun, and gave them back their shade.
All this to prove we cared. Why is there then
No more to tell? We turned to other things.
I haven't any memory—have you?—
Of ever coming to the place again
To see if the birds lived the first night through,
And so at last to learn to use their wings.

Встретились и разошлись

Когда шёл вниз по склону вдоль стены,
Открылся от калитки новый вид,
И я тебя заметил в этот миг,
Когда ты шла наверх, затем следы
В песке тропинки были сплетены,
И в цифрах новый смысл возник,
Что двух пока в значенье не достиг,
Но рамки одного ему тесны,

И точкой десятичной был укол
От зонтика. В минутной болтовне
По цифрам взгляд с улыбкой твой прошёл.
(О! Без предубеждения ко мне)
Впоследствии я шёл, где ты прошла
До встречи. Ты моим путём прошла.

Meeting and Passing (1920)

As I went down the hill along the wall
There was a gate I had leaned at for the view
And had just turned from when I first saw you
As you came up the hill. We met. But all
We did that day was mingle great and small
Footprints in summer dust as if we drew
The figure of our being less than two
But more than one as yet. Your parasol

Pointed the decimal off with one deep thrust.

And all the time we talked you seemed to see
Something down there to smile at in the dust.
(Oh, it was without prejudice to me!)
Afterward I went past what you had passed
Before we met and you what I had passed.

Часть из вас будет рада моим делам,
Остальные не станут терзать жестоко,
Обнаружив, они не противны вам,
Но для радости в них не будет истока.

Наказать меня строго только за то,
Что сомненью я подал маленький повод,
Что навеки пленён незримой чертой,
Там, где стены возвёл над крышами город.

Надсмеяетесь, мол, не кинуть земли.
С вами я лишь пока, хочу бытьдержан.
Но прозрения искры радость зажгли.
Вам мой бунт не принять, я буду отвержен.

Но любой, кто захочет смерть присудить,
Пусть оставит природе роль палача.
Попрошу с утра чистый воздух испить
И легко казнь приму, прощенье шепча.

Not Quite Social

Some of you will be glad I did what I did,
And the rest won't want to punish me too severely
For finding a thing to do that though not forbid
Yet wasn't enjoined and wasn't expected clearly.

To punish me over cruelly wouldn't be right
For merely giving you once more gentle proof
That the city's hold on a man is no more tight
Than when its walls rose higher than any roof.

You may taunt me with not being able to flee the earth.
You have me there, but loosely as I would be held.
The way of understanding is partly mirth.
I would not be taken as ever having rebelled.

And anyone is free to condemn me to death
If he leaves it to nature to carry out the sentence.
I shall will to the common stock of air my breath
And pay a death-tax of fairly polite repentance.

Отсчет времени

Чуть дальше, чем на полпути,
Ключ можно с кружкою найти.
И пил там фермер иль не пил,
Вид родника кобыле мил.
И к стоку за своей мечтой,
Тянула морду со звездой,
Да издавала жуткий хрип.

Но каждый раз шутил старик,
Чем глубже делаешь ты вздох,
Тем ближе смерть и дальше бог.
Жене всегда так говорю,
Не множь на вздохи смерть свою.
Верны быть может те слова,
Но только вот, ни ты, ни я,
Никто не повторяет бред,
Который причиняет вред.
И знаю, лучше нет пути,
Дорогу к ферме извести,
Чем сократить число людей,
И дать траве расти на ней.

The Times Table

More than halfway up the pass
Was a spring with a broken drinking glass,
And whether the farmer drank or not
His mare was sure to observe the spot
By cramping the wheel on a water-bar,
Turning her forehead with a star,
And straining her ribs for a monster sigh;
To which the farmer would make reply,
'A sigh for every so many breath,
And for every so many sigh a death.
That's what I always tell my wife
Is the multiplication table of life.'
The saying may be ever so true;
But it's just the kind of a thing that you
Nor I, nor nobody else may say,
Unless our purpose is doing harm,

And then I know of no better way
To close a road, abandon a farm,
Reduce the births of the human race,
And bring back nature in people's place.

Спрашивая розы

На вид, дом без хозяина с хозяйкой,
Заходят в двери ветры и морозы.
Пол в стёклах, листья кружат стайкой,
А сад вокруг заполонили розы.

Путь в сумерках привёл сюда нас с Мэри.
"Я удивлён, кто тут хозяин грозный".
"Его не знаешь", Молвила от двери,
"Но, можем мы спросить с тобою розы".

Должны слить руки под росою влажной,
Когда затихнут спящие берёзы,
И в дверь открытую войти отважно,
Взвывая к эху, спрашивая розы.

Молись, Вы где Хозяйка, кто Вы были?
Мы с Мэри здесь, мы ждём метаморфозы.
"Вы где Хозяин? Мы вас пробудили!
Цветенье вновь, мы здесь чтоб видеть розы.

Слов много знаем, лучшие на свете
Пел старый Херрик: девы знают слёзы
Не сорванных цветов, что сломит ветер,

Не радуют не срезанные розы.

Мы не отпустим наших рук сплетённых
(Пусть не смутит её упрямство позы)
Она в сиянии листов зелёных
С немою щедростью подарит розы.

Asking For Roses

A house that lacks, seemingly, mistress and master,
With doors that none but the wind ever closes,
Its floor all littered with glass and with plaster;
It stands in a garden of old-fashioned roses.

I pass by that way in the gloaming with Mary;
'I wonder,' I say, 'who the owner of those is.'
'Oh, no one you know,' she answers me airy,
'But one we must ask if we want any roses.'

So we must join hands in the dew coming coldly
There in the hush of the wood that reposes,
And turn and go up to the open door boldly,
And knock to the echoes as beggars for roses.

'Pray, are you within there, Mistress Who-were-you?'
'Tis Mary that speaks and our errand discloses.
'Pray, are you within there? Bestir you, bestir you!
'Tis summer again; there's two come for roses.

'A word with you, that of the singer recalling--
Old Herrick*: a saying that every maid knows is
A flower unplucked is but left to the falling,
And nothing is gained by not gathering roses.'

We do not loosen our hands' intertwining
(Not caring so very much what she supposes),
There when she comes on us mistily shining
And grants us by silence the boon of her roses.

*Old Herrick" is an allusion to Robert Herrick.

Октябрь

О! Тишина и мягкость октября
Богата зреющей листвой,
Что завтра ветер унося
Сметёт долой.
Крик стай ворон над головой
Что завтра свой покинут дом.
О! Тишина и мягкость октября,
Часы неторопливы в нём.
День станет короток и чист.
Дадим мы обмануть себя
Известным нам уже путём.
Лист первый сплавит по реке,
Другой уронит в полдень лист.
Один с деревьев вдалеке.
Туман на солнце спустит вниз,
Раскрасит землю аметист.
Стой, стой!
Зарделся виноград листвой,
Чьи плети опалил мороз,
Вреда он гроздьям не нанёс,
И за него прошу, постой.

October

O hushed October morning mild,
Thy leaves have ripened to the fall;
Tomorrow's wind, if it be wild,
Should waste them all.
The crows above the forest call;
Tomorrow they may form and go.
O hushed October morning mild,
Begin the hours of this day slow.
Make the day seem to us less brief.
Hearts not averse to being beguiled,
Beguile us in the way you know.
Release one leaf at break of day;
At noon release another leaf;
One from our trees, one far away.
Retard the sun with gentle mist;
Enchant the land with amethyst.
Slow, slow!
For the grapes' sake, if they were all,
Whose leaves already are burnt with frost,
Whose clustered fruit must else be lost—
For the grapes' sake along the wall.

Твоя горячая любовь к цветам мертва,
Того глупца, что с солнцем спорил,
Тебя пугая часто, тоже нет.
Спаси меня,
(Не грустно ли!)

Спаси меня,
Тебя оплакать некому в полях.

Не скрыта снега пятнами трава,
И не укрыты берега реки.
Те времена
Так далеки.
Когда впервые глаз я встретил взгляд,
Что ослепляя лишь к себе манят.
Невинный флирт
Любовь зажёг,
Смешалось всё, в смятении кружит,
Как в танце розы нежный лепесток.

Затем туман упал
Моих сомнений, но укрыл не всё.
Я радость за тебя
И за себя познал.

Не знала ты, кто там блуждает в вышине,
Судьба тебя ласкала тёплым ветерком,
Взмахнув легко крылом,
И помогала мне.

И было здесь ещё одно:
Бог дал своих объятий мягких избежать,
Преодоленье было им дано,
Шанс отойти настолько далеко,
Чтоб крепко страсть могла тебя обять.

О! Помню я себя
Рутинно без причин скорбя,
Я жил день ото дня.

Апатия и тщетные мечты,
Волненье трав мои кружило мысли,
Их ароматы в воздухе повисли
Качали стебли жемчуга-цветы!

Затем я был сражён
И онемел,
С размаху щёку мне задел
Порыв воздушный над холмом
Твоим в цветной пыльце крылом!

Сегодня смятыми нашёл я два крыла,
Она была мертва.
Слух кочевая птица разнесла,
Она среди сухой листвы не дышит
Под свесом крыши.

My Butterfly*

Thine emulous fond flowers are dead, too,
And the daft sun-assaulter, he
That frightened thee so oft, is fled or dead:
Save only me
(Nor is it sad to thee!)
Save only me
There is none left to mourn thee in the fields.

The gray grass is not dappled with the snow;
Its two banks have not shut upon the river;
But it is long ago--
It seems forever--
Since first I saw thee glance,
With all the dazzling other ones,

In airy dalliance,
Precipitate in love,
Tossed, tangled, whirled and whirled above,
Like a limp rose-wreath in a fairy dance.

When that was, the soft mist
Of my regret hung not on all the land,
And I was glad for thee,
And glad for me, I wist.

Thou didst not know, who tottered, wandering on high,
That fate had made thee for the pleasure of the wind,
With those great careless wings,
Nor yet did I.

And there were other things:
It seemed God let thee flutter from his gentle clasp:
Then fearful he had let thee win
Too far beyond him to be gathered in,
Snatched thee, o'er eager, with ungentle grasp.

Ah! I remember me
How once conspiracy was rife
Against my life--
The languor of it and the dreaming fond;
Surging, the grasses dizzied me of thought,
The breeze three odors brought,
And a gem-flower waved in a wand!

Then when I was distraught
And could not speak,
Sidelong, full on my cheek,
What should that reckless zephyr fling
But the wild touch of thy dye-dusty wing!

I found that wing broken to-day!
For thou are dead, I said,
And the strange birds say.
I found it with the withered leaves
Under the eaves.

*On November 8, 1894, the New York newspaper Independent published Frost's poem 'My Butterfly', earning him \$15.

Пан с нами

Пан вышел из лесов в один из дней
Сед волос, серый взгляд из-под бровей,
И кожа векового мха серей.
И встал на солнце, и взглянул на дол,
Заросший лесом, и лесистый холм.

Он со свирелью на холме стоял,
И ветер тёк в открытые поля,
Везде вокруг его была земля.
Не видел он ни крыш, не видел дым.
Краса! Копытом топнул он своим.

Он знал покой, один встречал восход.
На скучные угодья раз за год
Вдруг угоститься чей-то бык придёт,
Иль дети прогремят таща ведро,
Но для беседы знанье их мало.

Играть он бросил, слишком был упрям,
Чтоб угодждать меняющимся дням,

Визг синей сойки сладостен ветвям,
А ястреба нытье там, в вышине
За музыку сойдёт ему вполне.

Мир стал совсем иным, чем раньше был.
В свирели остаётся меньше сил
Что спелый можжевельник приносил
И хоустоний хрупких островки,
Неуловимый аромат реки.

Язычников свирель ласкала слух,
Но новый мир стал к прежним песням глух.
Он лёг на землю, солнца диск потух,
Цветы смяв, глядя вдаль, желал понять.
Сыграть? Сыграть? Что должен он сыграть?

Pan With Us

Pan came out of the woods one day,—
His skin and his hair and his eyes were gray,
The gray of the moss of walls were they,—
...And stood in the sun and looked his fill
...At wooded valley and wooded hill.

He stood in the zephyr, pipes in hand,
On a height of naked pasture land;
In all the country he did command
...He saw no smoke and he saw no roof.
...That was well! and he stamped a hoof.

His heart knew peace, for none came here
To this lean feeding save once a year

Someone to salt the half-wild steer,
...Or homespun children with clicking pails
...Who see so little they tell no tales.

He tossed his pipes, too hard to teach
A new-world song, far out of reach,
For a sylvan sign that the blue jay's screech
...And the whimper of hawks beside the sun
...Were music enough for him, for one.

Times were changed from what they were:
Such pipes kept less of power to stir
The fruited bough of the juniper
...And the fragile bluets clustered there
...Than the merest aimless breath of air.

They were pipes of pagan mirth,
And the world had found new terms of worth.
He laid him down on the sun-burned earth
...And ravelled a flower and looked away—
...Play? Play?—What should he play?

Достойная жертва

Оставил старый Дуглас дом,
Взяв только лошадь под седлом,
Его вёл рыцарь Роберт Брюс
В доспехах, шлеме золотом

Чтоб на полях Святой Земли,
Как понимаем мы, могли

Всё пламя верности сердец
Сложить на жертвенник любви.

Шанс предоставила судьба,
И Дуглас мог попасть туда,
Но шла священная война
В земле Испании тогда.

А Мавр весьма удачлив был,
Но не сдержать отваги пыл
Ввязаться в бой за Бога честь,
Хоть он о цели не забыл.

Пусть так судьбою решено
За Бога обнажить клинок.
Сердца людей к Святой Земле
Должны стремиться всё равно.

Но в битве встречен сильный враг,
Трепещет в окруженье флаг,
Резервов нужен свежий полк
Чтоб хоть единый сделать шаг,

Но не поможет день спаси
И ноги с поля унести.
На то способен лишь сигнал,
Что мир в итоге возвестит.

На сердце с цепью золотой
Вперёд бросается он в бой,
Воскликнув: «Сердце или смерть!»
В стремленье жертвовать собой.

По праву каждый сердце мог,
Как безнадёжной битве долг,
Отдать, и чем сильней любовь,
Тем больше силы в нужный срок

Для быстрых проблесков меча,
Презрев усталость на плечах,
Достойной жертвой сердце то,
Святой Земле души свеча.

In Equal Sacrifice

THUS of old the Douglas did:
He left his land as he was bid
With the royal heart of Robert the Bruce
In a golden case with a golden lid,

To carry the same to the Holy Land;
By which we see and understand
That that was the place to carry a heart
At loyalty and love's command,

And that was the case to carry it in.
The Douglas had not far to win
Before he came to the land of Spain,
Where long a holy war had been

Against the too-victorious Moor;
And there his courage could not endure
Not to strike a blow for God
Before he made his errand sure.

And ever it was intended so,
That a man for God should strike a blow,
No matter the heart he has in charge
For the Holy Land where hearts should go.

But when in battle the foe were met,
The Douglas found him sore beset,
With only strength of the fighting arm
For one more battle passage yet—

And that as vain to save the day
As bring his body safe away—
Only a signal deed to do
And a last sounding word to say.

The heart he wore in a golden chain
He swung and flung forth into the plain,
And followed it crying ‘Heart or death!’
And fighting over it perished fain.

So may another do of right,
Give a heart to the hopeless fight,
The more of right the more he loves;
So may another redouble might

For a few swift gleams of the angry brand,
Scorning greatly not to demand
In equal sacrifice with his
The heart he bore to the Holy Land.

Ожидание За гранью сумрака

О чём мечтал, когда как привиденье,
Среди снопов высоких чуть пушистых
Я по стерне вошёл один на поле,
Где голоса крестьянские затихли,
И в послезвучье их в послесвечение,
Взошла луна, и тихо усадила
Меня под полнолунной стороною
Копны и потеряла между прочих.

Под светом лунным о часах я думал,
В тени прошедших до её восхода,
О козодоях жителях небесных,
Кружавшихся с потусторонним криком
Иль вниз со звоном тетивы нырявших,
И о мышах летучих безголосых,
Что видели меня в укромном месте,
Но потеряв во время пируэтов,
Искали вновь в подслеповатой спешке
И сдавшись упорхнули, о шуршанье
В пучине ароматов за спину
С моим приходом стихших, мыши снова
Искали миг спустя, чутьём звериным
Понять пытаясь раз за разом, где я,
Потрёпанная книга старых песен,
Как будто, принесённая для чтенья,
Лишь освежилась в сладкомувяданье,
И думал лишь о том, что эти строки
Пусты, пока её не встретят взгляда.

Waiting Afield at Dusk

What things for dream there are when spectre-like,
Moving among tall haycocks lightly piled,
I enter alone upon the stubble field,
From which the laborers' voices late have died,
And in the antiphony of afterglow
And rising full moon, sit me down
Upon the full moon's side of the first haycock
And lose myself amid so many alike.

I dream upon the opposing lights of the hour,
Preventing shadow until the moon prevail;
I dream upon the night-hawks* peopling heaven,
Each circling each with vague unearthly cry,
Or plunging headlong with fierce twang afar;
And on the bat's mute antics, who would seem
Dimly to have made out my secret place,
Only to lose it when he pirouettes,
And seek it endlessly with purblind haste;
On the last swallow's sweep; and on the rasp
In the abyss of odor and rustle at my back,
That, silenced by my advent, finds once more,
After an interval, his instrument,
And tries once—twice—and thrice if I be there;
And on the worn book of old-golden song
I brought not here to read, it seems, but hold
And freshen in this air of withering sweetness;
But on the memory of one absent most,
For whom these lines when they shall greet her eye.

*The Common Nighthawk, a Nightjar – Козодой обыкновенный

Уменьшить вершину, чтобы расширить основание

Осевшая громада,
Брось в голову валун!
Не знала камнепада
Ты много долгих лун.

Поникший пик забавен,
Подножье расползлось.
Скатить хотя бы камень
Тебе б не удалось.

Но даже и на слово
Булыжник в крышу бьет,
Стекло пробито словно,
Кто подтвержденья ждет.

До паники и страха
С запором канитель.
Но бьет со всего маха
Холодной массой сель.

Молчит теперь долина,
Смеяться не спешит.
Сползает вниз вершина,
Но основанье вширь.

On Taking From the Top to Broaden the Base

Roll stones down on our head!
You squat old pyramid,
Your last good avalanche
Was long since slid.

Your top has sunk too low,
Your base has spread too wide,
For you to roll one stone
Down if you tried.

But even at the word
A pebble hit the roof,
Another shot through glass,
Demanding proof.

Before their panic hands
Were fighting for the latch,
The mud came in one cold
Unleavened batch.

And none was left to prate
Of an old mountain's case
That still took from its top
To broaden its base.

Всё, что было

Считал, что во вселенной он один,
И голосом пробудит только эхо,
Что отразит от каменных вершин
За озером слова ехидным смехом.
С полоски пляжа узкой, словно меч,
Кричал он, что в ответ услышать хочет
Не эхом повторяемую речь,
Ответ на чувство, что в душе клокочет.
Но отклик не пришел на этот крик.
Пока не воплотилось нечто в грохот,
С откоса скал рванувшись напрямик,
Оно подняло вод бурлящих рокот
И переплыло озеро на зов.
Но бесполезно было ожиданье,
Он не услышал долгожданных слов.
На сушу вышло дикое созданье,
Волну толкая грудью пред собой.
И водопадом берег затопило,
И стук копыт растаял за скалой,
И смят подлесок, вот и все что было...

The Most of It

He thought he kept the universe alone;
For all the voice in answer he could wake
Was but the mocking echo of his own
From some tree-hidden cliff across the lake.
Some morning from the boulder-broken beach
He would cry out on life, that what it wants
Is not its own love back in copy speech,

But counter-love, original response.
And nothing ever came of what he cried
Unless it was the embodiment that crashed
In the cliff's talus on the other side,
And then in the far-distant water splashed,
But after a time allowed for it to swim,
Instead of proving human when it neared
And someone else additional to him,
As a great buck it powerfully appeared,
Pushing the crumpled water up ahead,
And landed pouring like a waterfall,
And stumbled through the rocks with horny tread,
And forced the underbrush--and that was all."

Есть снежный плуг, да только снег
Вовек ты не засеешь, нет.
Нет горше шутки, я сказал,
Иметь для пашни груду скал.

Plowmen

A plow, they say, to plow the snow.
They cannot mean to plant it, no-
Unless in bitterness to mock
At having cultivated rock.

Откровение

Уединенья строим храм,
За легким глумом пряча пыл.
Но, ах! Волнуя сердце нам,
Случайно кто-то нас раскрыл.

Как жаль бывает нам опять,
(Мы скажем так) коль под конец,
Буквально нужно вырывать
Признанье дружеских сердец.

Но так во всем, от детских игр,
От пряток до вершин, где Бог,
Кричи, раз прятки ты постиг,
Чтоб найден быть друзьями мог.

Revelation

We make ourselves a place apart
Behind light words that tease and flout,
But oh, the agitated hear
Till someone really find us out.

'Tis pity if the case require
(Or so we say) that in the end
We speak the literal to inspire
The understanding of a friend.

But so with all, from babes that play
At hid-and-seek to God afar,
So all who hide too well away
Must speak and tell us where they are.

Брошенные

В пути оставили нас в стороне,
Как будто мы не те, кем быть должны,
Мы ждали у дороги на траве,
Блуждал наш взгляд, не зная о вине,
Понять не в силах, брошены ли мы.

In Neglect

They leave us so to the way we took,
As two in whom they were proved mistaken,
That we sit sometimes in the wayside nook,
With mischievous, vagrant, seraphic look,
And try if we cannot feel forsaken.

Шёлковый навес

Она как в поле шёлковый навес,
Когда под солнцем в полдень летний ветер
Ослабил тросы и с росой исчез,
В растяжек колыханье чуть заметен.
Кедровый шест по центру завершит
Стремление шатра к небесной славе,
Укажет на уверенность души,
Что трос один он ни во что не ставит.

Но не держась ни за один из них,
Он думал, окружён любви их кругом,
Чей шёлк повсюду по земле проник.
Но трос один вдруг зазвенел упруго,
Что потянул капризный ветерок,
И важность связей ей понять помог.

The Silken Tent

She is as in a field a silken tent
At midday when a sunny summer breeze
Has dried the dew and all its ropes relent,
So that in guys it gently sways at ease,
And its supporting central cedar pole,
That is its pinnacle to heavenward
And signifies the sureness of the soul,
Seems to owe naught to any single cord,
But strictly held by none, is loosely bound
By countless silken ties of love and thought
To everything on earth the compass round,
And only by ones going slightly taut
In the capriciousness of summer air
Is of the slightest bondage made aware.

Ветру оттепели

О, зюйд-вест! Неси нам дождь,
Трели птиц на гнёздах дрожь.
Дай цветам под снегом дар
Превратить сугробы в пар.

Покажи земли нам цвет,
Где её коснулся след.
Вымой окна, пусть поток
Лёд расплавит в водосток.
Плавь стекло и раму прочь,
Что как старца крест точь-в-точь.
Размети каморки тлен,
Рви картины с пыльных стен.
По листу стихи проверь,
На пол разбросай теперь,
Пусть поэт идёт за дверь.

To the Thawing Wind

Come with rain. O loud Southwester!
Bring the singer, bring the nester;
Give the buried flower a dream;
make the settled snowbank steam;
Find the brown beneath the white;
But whate'er you do tonight,
bath my window, make it flow,
Melt it as the ice will go;
Melt the glass and leave the sticks
Like a hermit's crucifix;
Burst into my narrow stall;
Swing the picture on the wall;
Run the rattling pages o'er;
Scatter poems on the floor;
Turn the poet out of door.

Весенняя молитва

Дай радость нам цветения садов,
Не дай нам тяготиться тем, каков
Созреет урожай, и сохрани
Весны недолгой беззаботной дни.
О, дай нам радость видеть в белом сад,
Что ночью разливает аромат.
И счастье дай принять гудящих пчёл,
Рой празднует, что сад опять зацвёл.
И счастье дай принять свистящих птиц,
Со скоростью космических частиц
Атаковав рой клевом, как стрелой
Исчезнут и вернут цветам покой.
Здесь всё любовь и только для любви,
Её хранить нас Бог благословил,
Чьей волею в пути освящены,
Исполнить только это мы должны.

A prayer in spring

Oh, give us pleasure in the flowers to-day;
And give us not to think so far away
As the uncertain harvest; keep us here
All simply in the springing of the year.
Oh, give us pleasure in the orchard white,
Like nothing else by day, like ghosts by night;
And make us happy in the happy bees,
The swarm dilating round the perfect trees.
And make us happy in the darting bird

That suddenly above the bees is heard,
The meteor that thrusts in with needle bill,
And off a blossom in mid air stands still.
For this is love and nothing else is love,
The which it is reserved for God above
To sanctify to what far ends He will,
But which it only needs that we fulfill.

Сбор цветов

Тебя оставил утром
В сиянии рассвета
Но рядом ты как будто,
В упрёк мне ставишь это.
Знаешь, как под пыльной мглою
Я бреду чужой землёю?
Ты молчишь, меня не зная,
Иль признаться не желая?

Это мне? Вопрос был задан
Для цветочного узора,
Взять могла их, будь ты рядом,
Кончится ли дня век скоро?
Всё тебе, и станут мерой
И сокровищницей веры,
Малости, что был не дома,
А бродил во власти дола.

Flower-Gathering

I left you in the morning,
And in the morning glow,
You walked a way beside me
To make me sad to go.
Do you know me in the gloaming,
Gaunt and dusty grey with roaming?
Are you dumb because you know me not,
Or dumb because you know?

All for me? And not a question
For the faded flowers gay
That could take me from beside you
For the ages of a day?
They are yours, and be the measure
Of their worth for you to treasure,
The measure of the little while
That I've been long away.

Затерявшись в небесах

Ночные тучи, предвещая шторм,
Открыли мне источник чистоты,
Нетерпеливо устремил я взор,
Ища маяк средь звёздной глубины.

Но звёздами часть неба та бедна
В одном созвездье не найдёшь и двух –
Известной не была мне ни одна.
Но не был неприятен мне испуг,

Я вижу потеряться мне легко,
"Где я на Небесах? Не говори!
О, облака, раскрывшись широко,
Потерянности дайте мне испить".

Lost in Heaven

The clouds, the source of rain, one stormy night
Offered an opening to the source of dew;
Which I accepted with impatient sight,
Looking for my old skymarks in the blue.

But stars were scarce in that part of the sky,
And no two were of the same constellation -
No one was bright enough to identify;
So 'twas with not ungrateful consternation,

Seeing myself well lost once more, I sighted,
'Where, where in Heaven am I? But don't tell me!
Oh, opening clouds, by opening on me wide.
Let's let my heavenly lostness overwhelm me.'

Моя Ноябрьская Гостья

Моя Печаль, сейчас со мной,
Считает дождь осенних дней
Непревзойдённой красотой,
Милы ей ветви наготовой,
Прогулки вдоль сырых полей.

Она осться мне не даст.
Она мне скажет, я пойду,
И рада птицы скрылись с глаз,
И рада платью без прикрас,
Тумана капель серебру.

Стволы безжизненны стоят,
Земля сера, туч в небе спуд,
Но красотой наполнен взгляд,
И кажется ей, я не рад,
И не поймёт в чем дело тут.

Меня настигла не вчера
Любовь нагих ноябрьских дней,
Когда вот-вот придут снега,
Но для неё пусты слова,
Я их хвалить, оставлю ей.

My November Guest

My Sorrow, when she's here with me,
Thinks these dark days of autumn rain
Are beautiful as days can be;
She loves the bare, the withered tree;
She walks the sodden pasture lane.

Her pleasure will not let me stay.
She talks and I am fain to list:
She's glad the birds are gone away,
She's glad her simple worsted grey
Is silver now with clinging mist.

The desolate, deserted trees,
The faded earth, the heavy sky,
The beauties she so truly sees,

She thinks I have no eye for these,
And vexes me for reason why.

Not yesterday I learned to know
The love of bare November days
Before the coming of the snow,
But it were vain to tell her so,
And they are better for her praise

Шум деревьев

Деревьями заворожён.
Зачем готовы мы терпеть
Их вечный шум зелёных крон,
Не лучше он, чем прочий шум
Так близко к нашему жилью?
За день от беспрестанных мук,
Теряем голову свою,
И радость не идёт на ум,
Пока продолжит ветер петь
Они всё шепчут про уход,
Но вечно остаются тут.
Мне лишь о том их хор поёт,
Как станут старше и мудрей,
Что означает, не уйдут.
И ноги двигать тяжело,
Качаю головой своей
Когда качанием влекут
Деревья взгляд через окно.
Хотел бы я давно сбежать,
Хотел бы в день один легко,

Когда их голос высоко,
Чтоб облака перепугать,
Подброшенный взлетит.
Хотел бы слов оставить блуд,
Но быть уже в пути.

The Sound of Trees

I wonder about the trees.
Why do we wish to bear
Forever the noise of these
More than another noise
So close to our dwelling place?
We suffer them by the day
Till we lose all measure of pace,
And fixity in our joys,
And acquire a listening air.
They are that that talks of going
But never gets away;
And that talks no less for knowing,
As it grows wiser and older,
That now it means to stay.
My feet tug at the floor
And my head sways to my shoulder
Sometimes when I watch trees sway,
From the window or the door.
I shall set forth for somewhere,
I shall make the reckless choice
Some day when they are in voice
And tossing so as to scare
The white clouds over them on.
I shall have less to say,
But I shall be gone.

Любовь и трудный вопрос

Под вечер странник от двери
У жениха спросил,
Лишь палка у него в руках,
На коей скарб носил.
И взгляд просил сильней, чем рот,
О крове наnochлег,
С тоской взглянув в дороги даль,
Где света окон нет.

Жених шаг сделал на крыльцо,
Сказав: "Поднимем взгляд,
Что нам сегодня небеса
О ночи говорят".
Спел ягод жимолости цвет,
В её листве земля,
Осенний день, но ветер стыл.
"Ох, странник, знал бы я".

Невеста в сумраке одна
Склонилась над огнём,
Лицо раскрасил жар угля,
Мечтает быть вдвоём.

Жених смотрел на трудный путь,
Но видел лик родной,
Чьё сердце заперто в ларце
Серебряной стрелой.

Жених подумал, что за хлеб
Он ходит по домам,
С молитвой в помощь беднякам,
С хулою богачам.

Но было ли, что он просил,
Любви двоих во вред,
Несчастье в доме их укрыть,
Хотел бы знать ответ.

Love And A Question

A stranger came to the door at eve,
And he spoke the bridegroom fair.
He bore a green-white stick in his hand,
And, for all burden, care.
He asked with the eyes more than the lips
For a shelter for the night,
And he turned and looked at the road afar
Without a window light.

The bridegroom came forth into the porch
With, 'Let us look at the sky,
And question what of the night to be,
Stranger, you and I.'
The woodbine leaves littered the yard,
The woodbine berries were blue,
Autumn, yes, winter was in the wind;
'Stranger, I wish I knew.'

Within, the bride in the dusk alone
Bent over the open fire,
Her face rose-red with the glowing coal
And the thought of the heart's desire.

The bridegroom looked at the weary road,
Yet saw but her within,
And wished her heart in a case of gold
And pinned with a silver pin.

The bridegroom thought it little to give
A dole of bread, a purse,
A heartfelt prayer for the poor of God,
Or for the rich a curse;

But whether or not a man was asked
To mar the love of two
By harboring woe in the bridal house,
The bridegroom wished he knew.

Ветер и цветок в окне

Забудьте о любви,
Услышать вы должны,
Она цветок в окне
И ветер он зимы.
Замёрзшее окно
Стекло водою днём,
Клеть канарейки он
Над ней увидел в нём.
Бессилен был помочь
Увидев сквозь стекло,
Вернуться к ней он смог,
Когда совсем темно.
Он зимний ветер был,

Рождённый укрывать
Под снег траву и птиц,
Не мог любви он знать.
Над подоконником
Вздыхал, фрамугу тряс,
Свидетели все те,
Кто не сомкнули глаз.
Склонил её почти
С ним улететь в ночи,
От яркости зеркал,
Светящейся печи.
Но голову склонив,
Цветок лишь промолчал.
И ветер наш к утру
За сотню миль умчал.

Wind And Window Flower

Lovers, forget your love,
And list to the love of these,
She a window flower,
And he a winter breeze.
When the frosty window veil
Was melted down at noon,
And the caged yellow bird
Hung over her in tune,
He marked her through the pane,
He could not help but mark,
And only passed her by,
To come again at dark.
He was a winter wind,
Concerned with ice and snow,
Dead weeds and unmated birds,

And little of love could know.
But he sighed upon the sill,
He gave the sash a shake,
As witness all within
Who lay that night awake.
Perchance he half prevailed
To win her for the flight
From the firelit looking-glass
And warm stove-window light.
But the flower leaned aside
And thought of naught to say,
And morning found the breeze
A hundred miles away.

Астрометафизическое

Господь, я любил так небо,
За радость любил и за горе
Высокое полное света
И штормовое.

Смотрел вверх, мечтая быть ближе,
Запнувшись, летел вверх ногами,
Упав, болью был я унижен
И костылями.

Приверженец неба любого,
Где бога правлению рады,
От первого и до седьмого,
Жду я награды.

Однажды уйду на восходе,
Но разум мой и не мечтает,
Что череп мой на небосводе
Звездою станет.

Меня неуместно так славить,
Чтоб сооружать в небе веху.
Пусть вера поможет направить
Не вниз, а кверху.

Astrometaphysical

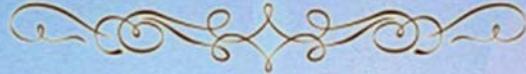
Lord, I have loved your sky,
Be it said against or for me,
Have loved it clear and high,
Or low and stormy.

Till I have reeled and stumbled
From looking up too much,
And fallen and been humbled
To wear a crutch.

My love for every Heaven
O'er which you, Lord, have lorded,
From number One to Seven
Should be rewarded.

It may not give me hope
That when I am translated
My scalp will in the cope
Be constellated.

But if that seems to tend
To my undue renown,
At least it ought to send
Me up, not down.

Смирение

Отбросит солнце луч на облака
И догорая спустится в залив,
Не возмутятся громко голоса,
Что это? Наступление зари
Знакомо птицам, тьма придёт сейчас.
Лишь пробормочет у себя груди,
Прикроет птаха потускневший глаз,
Иль далеко к гнезду ещё в пути
Спешит над рощей, вниз слетит она
По памяти к родимому кусту.
Мелькнёт мысль иль чирикнет: "Спасена!
Пусть ночь теперь погрузит всё во тьму.
Я будущего видеть не смогу
Во мраке. Что случится, то приму".

Acceptance

When the spent sun throws up its rays on cloud
And goes down burning into the gulf below,
No voice in nature is heard to cry aloud
At what has happened. Birds, at least must know
It is the change to darkness in the sky.
Murmuring something quiet in her breast,
One bird begins to close a faded eye;
Or overtaken too far from his nest,
Hurrying low above the grove, some waif
Swoops just in time to his remembered tree.

At most he thinks or twitters softly, 'Safe!
Now let the night be dark for all of me.
Let the night bee too dark for me to see
Into the future. Let what will be, be.'

Навеки злата нет

Росток зелёный – злато,
Природа верит свято.
А ранний лист – цветок,
Но только на часок.
Вот лист укрыт листвой,
Так стал Эдем мечтой.
Так тает в дне рассвет.
Навеки злата нет.

Nothing gold can stay

Nature's first green is gold,
Her hardest hue to hold.
Her early leaf's a flower;
But only so an hour.
Then leaf subsides to leaf.
So Eden sank to grief,
So dawn goes down to day.
Nothing gold can stay.

Вечер в сахарной роще

Я задержался тихой ночью марта
Меж клёнов, где бурлит сахароварня,
Оттуда от котла отвлёк я парня,
Хотел, чтоб вспыхнула печная арка:
"О, истопник, толкни-ка кочергою
Дрова, чтоб искры взмыли над трубою"
Я думал, что взлетит ком искр выше
Средь голых по весне кленовых веток,
Не прекратит светить в клубах из дыма,
Над нами слившись с жёлтым лунным светом.
Луна тонка, но видеть можно было
На каждом дереве ведёрко с крышкой,
Медвежьей шкурой снега клок унылый.
Но не смогли соперничать с Луною,
Изобразить созвездья искры рады
Льва, Ориона или же Плеяды,
Заполнив место меж ветвей собою.

Evening In A Sugar Orchard

From where I lingered in a lull in march
Outside the sugar-house one night for choice,
I called the fireman with a careful voice
And bade him leave the pan and stoke the arch:
'O fireman, give the fire another stoke,
And send more sparks up chimney with the smoke.'
I thought a few might tangle, as they did,
Among bare maple boughs, and in the rare
Hill atmosphere not cease to glow,

And so be added to the moon up there.
The moon, though slight, was moon enough to show
On every tree a bucket with a lid,
And on black ground a bear-skin rug of snow.
The sparks made no attempt to be the moon.
They were content to figure in the trees
As Leo, Orion, and the Pleiades.
And that was what the boughs were full of soon.

Песня грозового фронта

Гроза несёт цепь рваных облаков.
Пуста дорога целый день,
Кружась, снежинки кварцевых песков
След стёрли, где прошёл олень.
Цветы обочин, для пчелы мокры,
Пусты в цветении своём.
Пойдём со мною через те холмы,
В любви открайся под дождём.

В переговорах птиц звучит тоска,
Сидят в тревоге по кустам,
Как эльфы, пережившие века,
Однако, их не меньше там:
Лесная песня сбивчива в грозу,
Теряет розой лепестки.
Пойдём, в любви открайся мне лесу,
Где на ветвях дождя цветки.

Нас в спину подгоняет ураган
И сносит наши песни в дол,
На отмели топорщит океан,
Одежды теребит подол.
Какое дело нам, что нет пути,
Где наших не промочим ног?
Напоит ливень на твоей груди
Брошь - золотарника цветок.

Как будто море с бурей заодно
Вернуть желает берега,
Где раковины бросило оно
В забытые хвощей века.
Как будто возвратилась к нам назад
Любовь, что так давно мы ждём.
Пойдём же в штурм, нам нет с тобой преград,
В любви открайся под дождём.

A Line-Storm Song

The line-storm clouds fly tattered and swift.
The road is forlorn all day,
Where a myriad snowy quartz stones lift,
And the hoof-prints vanish away.
The roadside flowers, too wet for the bee,
Expend their bloom in vain.
Come over the hills and far with me,
And be my love in the rain.

The birds have less to say for themselves
In the wood-world's torn despair
Than now these numberless years the elves,

*"Come over the hills
And be my love in a*

's and far with me
the rain."

—Robert Frost

Although they are no less there:
All song of the woods is crushed like some
Wild, early shattered rose.
Come, be my love in the wet woods, come,
Where the boughs rain when it blows.

There is the gale to urge behind
And bruit our singing down,
And the shallow waters aflutter with wind
From which to gather your gown.
What matter if we go clear to the west,
And come not through dry-shod?
For wilding brooch shall wet your breast
The rain-fresh goldenrod*.

Oh, never this whelming east wind swells
But it seems like the sea's return
To the ancient lands where it left the shells
Before the age of the fern;
And it seems like the time when after doubt
Our love came back amain.
Oh, come forth into the storm and rout
And be my love in the rain.

*goldenrod – золотарник, золотая розга (*Salidago virgaurea*). Цветок-символ [state flower] штатов Кентукки и Небраска.

Жена Холма

The Hill Wife

I. Одиночество (Её слова)

Мы не должны впадать в тревогу,
Лить чувства через край.
Когда в круженье птиц у дома
Нам слышится - прощай.

Иль ощущать души смятенье,
Вновь услыхав их песнь.
Мы слишком рады возвращенью,
Что снова птицы здесь.

Их души полные любовью,
Не знают наших слез,
И слишком заняты собою
Да обустройством гнезд.

I. LONELINESS (Her Word)

ONE ought not to have to care
So much as you and I
Care when the birds come round the house
To seem to say good-bye;

Or care so much when they come back
With whatever it is they sing;
The truth being we are as much
Too glad for the one thing

As we are too sad for the other here—
With birds that fill their breasts
But with each other and themselves
And their built or driven nests.

II. Страх дома

Всегда, скажу, привычно им
Вернуться из ночных долин
В пустынный дом издалека,
Здесь тьма, в камине лишь тоска,
Привычно, клацаньем ключей,
Дать время изо всех щелей
До входа их убраться прочь,
Из ночи дома снова в ночь.
Привычно, распахнуть им дверь,
Чтоб в свет внутри зажечь теперь.

II. HOUSE FEAR

ALWAYS—I tell you this they learned—
Always at night when they returned
To the lonely house from far away,
To lamps unlighted and fire gone gray,
They learned to rattle the lock and key
To give whatever might chance to be
Warning and time to be off in flight:

And preferring the out- to the in-door night,
They learned to leave the house-door wide
Until they had lit the lamp inside.

III. Улыбка (Её слова)

Не нравилось мне, как он прочь идёт.
Его улыбка покривила рот.
Он улыбается, не видишь ты?
Не оттого, что дали только хлеб,
Убогий знал, что были мы бедны.
Возможно, не смогли ответить нет,
Он получил все то, что сам мог взять.
Смеялся оттого, как мы юны
И что женаты (а, возможно, знать
Хотелось, что стары' мы и мертвы').
Вниз далеко его тянулся след.
Из леса смотрит он, а может нет.

III. THE SMILE (Her Word)

I didn't like the way he went away.
That smile! It never came of being gay.
Still he smiled- did you see him?- I was sure!
Perhaps because we gave him only bread
And the wretch knew from that that we were poor.
Perhaps because he let us give instead
Of seizing from us as he might have seized.
Perhaps he mocked at us for being wed,
Or being very young (and he was pleased

To have a vision of us old and dead).
I wonder how far down the road he's got.
He's watching from the woods as like as not.

IV. Часто повторяющийся сон

Она молчала в темноте,
А мрачная сосна
Щеколду треплет на окне
В их комнате всегда.

Без устали ветвями рук
Скребет в окно она.
Как будто крыльев птичи стук
Пред тайною стекла!

Ей окон не пройти заслон,
И только раз иль два
Страх в повторяющийся сон
Сочился из окна.

IV. THE OFT-REPEATED DREAM

SHE had no saying dark enough
For the dark pine that kept
Forever trying the window-latch
Of the room where they slept.

The tireless but ineffectual hands
That with every futile pass
Made the great tree seem as a little bird
Before the mystery of glass!

It never had been inside the room,
And only one of the two
Was afraid in an oft-repeated dream
Of what the tree might do.

V. Порыв

Здесь слишком одиноко ей
Среди теней.
С тех пор, как только двое их,
И нет детей.

Ей дом не доставлял хлопот,
Но был не мил.
И шла за ним, а он пахал,
Иль лес рубил.

Она садилась поиграть
Щепой в руках,
Держался песенки мотив
В ее губах.

Однажды в лес она ушла
Нарвать ольхи.
Его расслышала едва
Зовущий крик.

Но молча слушала она,
Не шла назад.
И убежала по траве
В лес наугад.

Он не нашел ее, хотя
Везде искал.
У дома матери спросил,
Была ли там.

Так неожиданно легко
Уз тает твердь.
Он обнаружил, что финал
Еще не смерть.

V. THE IMPULSE

IT was too lonely for her there,
And too wild,
And since there were but two of them,
And no child,

And work was little in the house,
She was free,
And followed where he furrowed field,
Or felled tree.

She rested on a log and tossed
The fresh chips,
With a song only to herself
On her lips.

And once she went to break a bough
Of black alder.
She strayed so far she scarcely heard
When he called her—

And didn't answer—didn't speak—
Or return.

She stood, and then she ran and hid
In the fern.

He never found her, though he looked
Everywhere,
And he asked at her mother's house
Was she there.

Sudden and swift and light as that
The ties gave,
And he learned of finalities
Besides the grave.

Момент беспредельности

Он задержался на ветру, что там
Вдали, не дух ли бледный меж стволов?
Стоял он, март неся в душе, но сам
И в большее поверить был готов.

«О! райское цветенье» - я сказал,
И честно это было, ведь цветы,
Что мартовскими я воспринимал,
Лишь в мае белым наводнят сады

Стояли мы, но в этот странный миг
В воображенья мир попали мы,
Затем сказал я правду (мы пошли)
Бук прошлогодней не отдал листвы.

A Boundless Moment

He halted in the wind, and -- what was that
Far in the maples, pale, but not a ghost?
He stood there bringing March against his thought,
And yet too ready to believe the most.

"Oh, that's the Paradise-in-bloom," I said;
And truly it was fair enough for flowers
Had we but in us to assume in march
Such white luxuriance of May for ours.

We stood a moment so in a strange world,
Myself as one his own pretense deceives;
And then I said the truth (and we moved on).
A young beech clinging to its last year's leaves.

Скептическое

Звезда легко чиркнула по фотопластинке
И выжгла чёрный атом, сделав белым,
Я верю и не верю, истине кручинке.
И я не верю света след увидев первым.

Я верю и не верю, ты одна в пространстве,
И я не верю, что ты близко так от края,
И я не верю, что в малиновом убранстве
От взрыва мчишься, быстро в бездне исчезая.

Вселенная быть может и не так огромна,
Но важно, что порой мне кажется упорно,
Её так близко ощущаю в чувствах словно,
С рожденья оболочкой этою обёрнут.

Skeptic

Far star that tickles for me my sensitive plate
And fries a couple of ebon atoms white,
I don't believe I believe a thing you state.
I put no faith in the seeming facts of light.

I don't believe I believe you're the last in space,
I don't believe you're anywhere near the last,
I don't believe what makes you red in the face
Is after explosion going away so fast.

The universe may or may not be very immense.
As a matter of fact there are times when I am apt
To feel it close in tight against my sense
Like a caul in which I was born and am still wrapped.

Однажды с океана

Разбитые воды глухо ревут.
Огромные волны давят подруг,
Желая оставить берег в беде,
Что не удавалось раньше воде.

Лохматые тучи, скрыв небеса,
Как пряди волос упали в глаза.
И кажется мне, уйдет волна смыв
Землю водой, но удержит обрыв,
Обрыв уцепился за континент.
И кажется мне, какой-то момент,
Пришла эта ночь на тысячу лет.
Будь лучше готов принять ужас бед.
И прежде чем все разрушат шторма,
Нам скажет Господь: Сгустится же тьма!

Once by the Pacific

The shattered water made a misty din.
Great waves looked over others coming in,
And thought of doing something to the shore
That water never did to land before.
The clouds were low and hairy in the skies,
Like locks blown forward in the gleam of eyes.
You could not tell, and yet it looked as if
The shore was lucky in being backed by cliff,
The cliff in being backed by continent;
It looked as if a night of dark intent
Was coming, and not only a night, an age.
Someone had better be prepared for rage.
There would be more than ocean-water broken
Before God's last Put out the light was spoken.

Пуд золота

Пыль частью города была,
Спасала лишь тумана мгла.
Я верил в детстве в миф такой:
Была часть пыли золотой.

Пыль на закате в облаках,
Вставала, словно бог в лучах.
А мы твердили миф такой:
Что пыль была та золотой.

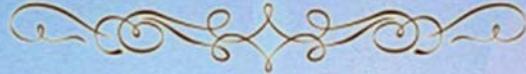
И каждый у Златых Ворот
Пыль золотую ест и пьет.
Твердил я в детстве в миф такой:
«Съедим пуд пыли золотой».

A Peck of Gold

Dust always blowing about the town,
Except when sea-fog laid it down,
And I was one of the children told
Some of the blowing dust was gold.

All the dust the wind blew high
Appeared like god in the sunset sky,
But I was one of the children told
Some of the dust was really gold.

Such was life in the Golden Gate:
Gold dusted all we drank and ate,
And I was one of the children told,
"We all must eat our peck of gold."

Певун-печник

Услышал каждый, как была пропета
Трель в сердце леса в середине лета,
И вновь заставила звенеть стволы.
Он говорит, лист стар, а для цветков
Пик лета часть десятая весны.
Он говорит, что отошла метель
Черешни с грушей белых лепестков,
Что в ясный день земле давала тень.
Но листопад мы осенью зовем.
Он говорит, все скрыла пыль кругом.
Умолкнут птицы, в ряд других певцов
Не встанет, зная, должен он сказать.
Вопрос он в песне задает без слов
О том, что лето стало убывать.

The Oven Bird*

There is a singer everyone has heard,
Loud, a mid-summer and a mid-wood bird,
Who makes the solid tree trunks sound again.
He says that leaves are old and that for flowers
Mid-summer is to spring as one to ten.
He says the early petal-fall is past,
When pear and cherry bloom went down in showers
On sunny days a moment overcast;
And comes that other fall we name the fall.
He says the highway dust is over all.

The bird would cease and be as other birds
But that he knows in singing not to sing.
The question that he frames in all but words
Is what to make of a diminished thing.

*Oven Bird (*Seiurus aurocapillus*)

Певун золотоголовый дроздовый или певун-печник.

Прости, Господь, мне мелкие насмешки.
А я большую, что творил ты в спешке.

Вариант:

Прости, Господь, насмешки над тобой,
Прошу твою большую надо мной.

Forgive O, Lord

Forgive, O Lord, my little jokes on Thee,
And I'll forgive Thy great big one on me.

Где слышать мог я звук ветров,
Переходящий в низкий рев,
Что, сдерживая дверь, готов
Смотреть вниз с высоты холмов

На кромку пенных берегов?
Но лето не вернуть назад.
И в небе горы туч лежат.
За краем прогнутых полов
Кружатся листья и шуршат,
В колени бьют и вдаль спешат.
Расслышать в звуке мрачном смог
Я свой секрет из пары строк:
Слова, я в доме одинок,
Что как-то, вышли за порог,
Слова, я в жизни одинок,
Слова, здесь никого, лишь Бог.

Bereft

Where had I heard this wind before
Change like this to a deeper roar?
What would it take my standing there for,
Holding open a restive door,
Looking down hill to a frothy shore?
Summer was past and day was past.
Somber clouds in the west were massed.
Out in the porch's sagging floor,
Leaves got up in a coil and hissed,
Blindly struck at my knee and missed.
Something sinister in the tone
Told me my secret must be known:
Word I was in the house alone
Somehow must have gotten abroad,
Word I was in my life alone,
Word I had no one left but God.

Розовая Погония

Раскрашен ярче солнца
И в самоцветах луг,
А сам едва ли шире
Деревьев что вокруг.
Он ветру недоступен,
От каждого цветка
Струятся ароматы
Под куполом тепла.

И мы склонялись в пламя,
Как в солнечный елей,
Одну не в силах выбрать
Из тысяч орхидей.
Хоть полон луг травою,
Их лепестки свой цвет
Как крылья поднимали,
Раскрашивая свет.

Мы вознесли молитву,
Пред тем как уходить,
Чтоб косарь это место
Не вздумал обкосить.
Не каждый насладился
Под сводами лесов
Не скашивайте травы
В объятиях цветов

Rose Pogonias

A saturated meadow,
Sun-shaped and jewel-small,
A circle scarcely wider
Than the trees around were tall;
Where winds were quite excluded,
And the air was stifling sweet
With the breath of many flowers, --
A temple of the heat.

There we bowed us in the burning,
As the sun's right worship is,
To pick where none could miss them
A thousand orchises;
For though the grass was scattered,
Yet every second spear
Seemed tipped with wings of color,
That tinged the atmosphere.

We raised a simple prayer
Before we left the spot,
That in the general mowing
That place might be forgot;
Or if not all so favored,
Obtain such grace of hours,
That none should mow the grass there
While so confused with flowers.

Удобная позиция

Я от лесов устав, ищу людей
И знаю, что пора спешить в рассвет
На склон, где стадо бродит по росе.
Средь можжевельника разлапистых ветвей
Укрывшись, в чистой дали разгляжу
Там от жилья людского вдалеке
Людей могилы на другом холме,
Живых иль мертвых, как воображу.

Решу довольно, полдня жар повис,
Под щеку руку подложу, и вот,
Прогрело солнце склон и лоб мой жжет,
Пущу на васильки дыханья бриз,
Я аромат вдыхаю мятых трав, земли,
Гляжу, как кратер роют муравьи.

The Vantage Point

If tired of trees I seek again mankind,
Well I know where to hie me--in the dawn,
To a slope where the cattle keep the lawn.
There amid lolling juniper reclined,
Myself unseen, I see in white defined
Far off the homes of men, and farther still,
The graves of men on an opposing hill,
Living or dead, whichever are to mind.

And if by noon I have too much of these,
I have but to turn on my arm, and lo,

The sun-burned hillside sets my face aglow,
My breathing shakes the bluet like a breeze,
I smell the earth, I smell the bruised plant,
I look into the crater of the ant.

Удивленные лица

Зимой сова едва свернуть смогла,
Чтоб не разбить оконного стекла,
Лишь в напряженье крылья распахнув,
Заката цвета алого черпнув.
И увидала пух и цвет пера,
За стеклами внезапно детвора.

Questioning faces

The winter owl banked just in time to pass
And save herself from breaking window glass.
And her wings straining suddenly aspread
Caught color from the last of evening red
In a display of underdown and quill
To glassed-in children at the window sill.

Они открыты были в споре

Считало горе это горе.
Забота, что заботы круг.
Они открыты были в споре,
И оба знали, что не врут.

Нет, это снег был с крыши низкой,
В те времена, когда он рос,
Спускался по ночам с карниза,
Вплетаясь тихо в прядь волос.

Когда цвет белый власть упрочил
Над крышней, ниже голова
Светлее стала цвета ночи,
Темнее стала чем снега.

Считало горе это горе.
Забота, что заботы круг.
Никто из них не знал о воре
Что черный сделал белым вдруг.

They Were Welcome To Their Belief

Grief may have thought it was grief.
Care may have thought it was care.
They were welcome to their belief,
The overimportant pair.

No, it took all the snows that clung
To the low roof over his bed,

Beginning when he was young,
To induce the one snow on his head.

But whenever the roof camme white
The head in the dark below
Was a shade less the color of night,
A shade more the color of snow.

Grief may have thought it was grief.
Care may have thought it was care.
But neither one was the thief
Of his raven color of hair.

Собрался лишь очистить в поле ключ
Я только быстро прочь сгребу листву
(И как осядет муть в воде взгляну).
Я не уйду надолго. Приходи.

Собрался я лишь привести телка,
Трясется он у мамы под бочком.
А мама лижет кроху языком.
Я не уйду надолго. Приходи.

The Pasture

I'm going out to clean the pasture spring;
I'll only stop to rake the leaves away
(And wait to watch the water clear, I may):
I sha'n't be gone long.- You come too.

I'm going out to fetch the little calf
That's standing by the mother. It's so young,
It totters when she licks it with her tongue.
I sha'n't be gone long.- You come too.

Ремонт стены

Есть что-то здесь, не любящее стен,
Что пучит землю под стеной в мороз,
И солнцем крошит в кладке валуны,
То создаёт на двух людей проход.
С охотниками тут другой расклад:
Чинить за ними стену я ходил,
На камне камня не оставят там,
Где кролик может прятаться от них,
Чтоб позабавить псов. Но как пролом
Возник, никто не видел никогда,
Но вновь весной найдётся, что чинить.
Соседу за холмами дал я знать,
Сойдясь в один из дней, мы вдоль пошли,
Чтоб снова стену возвести меж нас.
Мы шли, и врозь держала нас стена.
И каждый камни поднимал свои.
Один, как булка, а другой, как мяч,
Крепя их, приговаривали так:
«Стой, где стоишь, пока не отойдём!»
Мы сбили пальцы, поднимая их.
Как будто просто новый вид игры,
Через забор. Но только вот ещё:
Там, где была уж не нужна стена:

Его часть в соснах, на моей же сад.
Ведь яблоня к нему не забежит
Грызть шишки под сосной. Заметил я,
А он: «Хорош забор, хорош сосед».
Я опьянён весной, решил узнать,
Смогу ли мысль предложить ему:
«Как сделает забор соседа лучше?
Где есть коровы? Только здесь их нет.
Сначала я хотел бы твёрдо знать,
Что ограждаю или от чего,
И чей предотвращаю я соблазн,
Есть что-то здесь, не любящее стен,
Что рушит их». Чуть «Эльфы» не сказал,
Конечно не они, и лучше бы
Он сам продолжил мысль. Он, я смотрю,
Как каменного века человек,
В руках по камню, как оружье сжал.
Он двигался во тьме, казалось мне,
Не только леса здесь упала тень.
Не позабудет предков он завет,
И будто веру снова подтвердил,
Сказав: «Хорош забор, хорош сосед».

Mending Wall

Something there is that doesn't love a wall,
That sends the frozen-ground-swell under it,
And spills the upper boulders in the sun;
And makes gaps even two can pass abreast.
The work of hunters is another thing:
I have come after them and made repair
Where they have left not one stone on a stone,
But they would have the rabbit out of hiding,

To please the yelping dogs. The gaps I mean,
No one has seen them made or heard them made,
But at spring mending-time we find them there.
I let my neighbour know beyond the hill;
And on a day we meet to walk the line
And set the wall between us once again.
We keep the wall between us as we go.
To each the boulders that have fallen to each.
And some are loaves and some so nearly balls
We have to use a spell to make them balance;
"Stay where you are until our backs are turned!"
We wear our fingers rough with handling them.
Oh, just another kind of out-door game,
One on a side. It comes to little more:
There where it is we do not need the wall:
He is all pine and I am apple orchard.
My apple trees will never get across
And eat the cones under his pines, I tell him
He only says, "Good fences make good neighbours."
Spring is the mischief in me, and I wonder
If I could put a notion in his head:
"Why do they make good neighbours? Isn't it
Where there are cows? But here there are no cows.
Before I built a wall I'd ask to know
What I was walling in or walling out,
And to whom I was like to give offence
Something there is that doesn't love a wall,
That wants it down." I could say "Elves" to him,
But it's not elves exactly, and I'd rather
He said it for himself. I see him there
Bringing a stone grasped firmly by the top
In each hand, like an old-stone savage armed.
He moves in darkness as it seems to me,
Not of woods only and the shade of trees.

He will not go behind his father's saying,
And he likes having thought of it so well
He says again, "Good fences make good neighbours."

Соломенная крыша

Одинок под ледяным дождем
К боли был готов тем зимним днем.
Никогда мне не был так далек
Верхнего окошка огонек.
Только в нем все дело в этот час:
Не войду, пока свет не погас,
Не погаснет, если не войду.
Боль нужна, чтоб выиграть борьбу,
Чтобы знать, кто первый проиграл,
Мир незримым черным полем стал.
Дождь был даже холодней чем лед.
Он под ветром скользкой кашей лег.
Вот дела: где был соломы слой,
Птицы выводок растили свой,
Дружно ели, встали на крыло,
И остались там зиме назло.
Но солома опустилась вниз,
Рукавом я задевал карниз
И вспугнул птиц, об него шурша,
В темноту. И съежилась душа,
И в печали родилась печаль,
Не помочь им, упорхнули вдаль,
Путь назад найти не суждено,
Не попасть в родное им гнездо.

Упадут они среди болот,
Вера в крылья в их душе живет,
Но лишь днем возможен их полет.
Я беду свою забыть готов,
Ведь пичуги потеряли кров.
С той бедой ушла моя беда.
Подточили общий дом года,
Крышу из соломы разнесло,
И его столетие прошло,
Дождь снаружи в комнаты течет,
Окропляя лестничный пролет.

The Thatch

Out alone in the winter rain,
Intent on giving and taking pain.
But never was I far out of sight
Of a certain upper-window light.
The light was what it was all about:
I would not go in till the light went out;
It would not go out till I came in.
Well, we should see which one would win,
We should see which one would be first to yield.
The world was black invisible field.
The rain by rights was snow for cold.
The wind was another layer of mold.
But the strangest thing: in the thick old thatch,
Where summer birds had been given hatch,
Had fed in chorus, and lived to fledge,
Some still were living in hermitage.
And as I passed along the eaves,
So low I brushed the straw with my sleeves,
I flushed birds out of hole after hole,
Into the darkness. It grieved my soul,

It started a grief within a grief,
To think their case was beyond relief--
They could not go flying about in search
Of their nest again, nor find a perch.
They must brood where they fell in mulch and mire,
Trusting feathers and inward fire
Till daylight made it safe for a flyer.
My greater grief was by so much reduced
As I thought of them without nest or roost.
That was how that grief started to melt.
They tell me the cottage where we dwelt,
Its wind-torn thatch goes now unmended;
Its life of hundred of years has ended
By letting the rain I knew outdoors
In on to the upper chamber floors.

Это вполне ясно

Спектакль, видать, не прекратить уже ничем.
Пустяк, что заняты актеры в драке.
Боюсь я, с солнцем не было б проблем.
Все будет хорошо, пока мы не во мраке.

It Bids Pretty Fair

The play seems out for an almost infinite run.
Don't mind a little thing like the actors fighting.
The only I worry about is the sun.
We'll be all right if nothing goes wrong with the lighting.

Просто дар

Владели мы землею без любви.
Так продолжалось больше сотни лет,
Пока она признала нас. И были
Вирджиния и Массачусетс наши.
Но Англии сыны, лишь колонисты,
Владели тем, что не владело нами.
Владели тем, чем и теперь, не больше.
Но удержание лишало силы
Пока не обнаружили, что сами
Себя держали врозь с землей, где жили,
Нашли мы облегчение в признанье.
И приняли мы этот дар, как есть,
(Хоть дар не обошелся без войны)
Те земли, что сулил нам смутно запад
Безвестные, не тронуто-простые,
Не знавшие, чем предстояло стать.

The Gift Outright

The land was ours before we were the land's.
She was our land more than a hundred years
Before we were her people. She was ours
In Massachusetts, in Virginia,
But we were England's, still colonials,
Possessing what we still were unpossessed by,
Possessed by what we now no more possessed.
Something we were withholding made us weak

Until we found out that it was ourselves
We were withholding from our land of living,
And forthwith found salvation in surrender.
Such as we were we gave ourselves outright
(The deed of gift was many deeds of war)
To the land vaguely realizing westward,
But still unstoried, artless, unenhanced,
Such as she was, such as she would become.

Я времени бы все отдал

Для времени чужда борьбы бравада,
Ему не враг гор снежных острый пик.
Уйдет под волны мрачных круч громада,
Но радость не несет крушенья миг,
Лишь созерцанье вечное отрада.

И материк растает в океане
До островка, лишь рифа завиток
Свой край в улыбку робкую растянет.
Ни горя мне, ни радости глоток,
Что мир другим со временем предстанет.

Готов я времени отдать все, кроме
Того что сам вместил. К чему
Кричать, пока спит стража кордоне?
Прошел я, не нарушив тишину,
Что не хочу терять, в себе укрою.

I Could Give All to Time

To Time it never seems that he is brave
To set himself against the peaks of snow
To lay them level with the running wave,
Not is he overjoyed when they lie low,
But only grave, contemplative and grave.

What now is inland shall be ocean isle,
Then eddies palying round a sunken reef
Like the curl at the corner of a smile;
And I could share Time's lack of joy or grief
At such a planetary change of style.

I could give all to Time except—except
What I myself have held. But why declare
The things forbidden that while the Customs slept
I have crossed to Safety with? For I am There,
And what I would not part with I have kept.

Везде, куда не кинешь взгляд, туман
Осенний вечер стелет по лугам,
И лунный диск в нем не признать луной,
Он красит вяз и поле в голубой.
Неужто, дымку всю дает тот дом
С трубой одною, маленьkim окном,
Где не зажжется слишком ранний свет,
Храня присутствия жильцов секрет,

Не переступит через дверь нога,
Жильцы работой заняты всегда.
Там ворожеи взаперти живут.
Скажу им, дым, который они ткут,
Искусно скручивают в кокон свой,
Скрепляет землю накрепко с луной,
Его штормам зимой вовек не сдуть,
Но им известна их плетенья суть.

The Cocoon

As far as I can see this autumn haze
That spreading in the evening air both way,
Makes the new moon look anything but new,
And pours the elm-tree meadow full of blue,
Is all the smoke from one poor house alone
With but one chimney it can call its own;
So close it will not light an early light,
Keeping its life so close and out of sign
No one for hours has set a foot outdoors
So much as to take care of evening chores.
The inmates may be lonely women-folk.
I want to tell them that with all this smoke
They prudently are spinning their cocoon
And anchoring it to an earth and moon
From which no winter gale can hope to blow it,--
Spinning their own cocoon did they but know it.

Ступающий по листву

Я по листве ступал весь день, пока не утомила осень,
Листву, Бог знает, скольких форм, цветов втоптал я в
грязь вдоль просек

Возможно, слишком много сил я тратил в ярости на
трепет...

Легко затаптывал ногой я прошлогодних листьев пепел.

Все это лето надо мной они росли недостижимы.

Сейчас чтоб обрести покой, они меня проходят мимо.

Все это лето слушал я их оживленный шепот с ве́тви.

Теперь пришли найти покой, меня зовут с собою к смерти.

Бродяге в сердце тихо шепчут языком, что знают листья.

Касаясь век моих и губ, манят в печали раствориться.

Но не причина с ними мне идти, коль не прервать им
бега...

Другой год встанет на моем пути и по колено снега.

Robert Frost A Leaf Treader

I have been treading on leaves all day until I am autumn tired
Lord knows all the color and form of leaves I have trodden on and
mired

Perhaps I have put forth too much strength or been too fierce from
fear ...

I have safely trodden underfoot the leaves of another year.

All summer long they were overhead more lifted up than I .

To come to their final place in earth they had to pass me by.

All summer long I thought I heard them whispering under their
breath.

And when they came it seemed with a will to carry me with them
to death .

They spoke to the fugitive in my heart as if it were leaf to leaf.
They tapped at my eyelids and touched my lips with an invitation
to grief .
But it was no reason I had to go because they had to go ...
Now up my knee to keep atop another year of snow.

Не станет снова пенье птиц таким

Он уверял, и сам был полон веры,
Так птицы средь садов поют красиво,
Что, слышали прекрасный голос Евы,
Его смешали со своим мотивом
Без слов, одну мелодию конечно.
Известно, речь ее текла так нежно,
Проникла в птиц, порхающих беспечно,
Когда смех разлетался безмятежно.
Быть может, вся она была в их песне.
Напев ее с их слился голосами,
С тех пор он не угаснет в поднебесье,
Не будет никогда потерян нами.
Не станет снова пенье птиц таким,
Затем она и приходила к ним.

Never Again Would Bird's Song Be the Same

He would declare and could himself believe
That the birds there in all the garden round
From having heard the daylong voice of Eve
Had added to their own an oversound,
Her tone of meaning but without the words.

Admittedly an eloquence so soft
Could only have had an influence on birds
When call or laughter carried it aloft.
Be that as may be, she was in their song.
Moreover her voice upon their voices crossed
Had now persisted in the woods so long
That probably it never would be lost.
Never again would birds' song be the same.
And to do that to birds was why she came.

Призрачный дом

Мое жилище опустевший дом,
Исчезнувший давно на месте том,
Где ни следа, одни остатки стен,
А в погребе свет падает на тлен,
Малина пышным разрослась кустом.

В ограды бреши виноград пророс,
Лес возвратился в поле на покос,
Сад с лесом переплел вершины крон
Где разлетался раньше дятла звон,
Тропинки нет к колодцу меж берёз.

Я чувствую боль странную во мне,
Живу в давно исчезнувшем жилье
На позабытом брошенном пути,
Где жабам с пылью ванны не найти,
Лишь мышь летучая кружит во тьме,

Да козодой начнет к ночи кричать
И громко цыкать, Kloхтать, трепетать.
Я слышу издали, он начинает снова,
Ему довольно времени для слова,
Чтоб до прибытия все успеть сказать.

Под этой блеклой летнею звездой.
Есть люди молчаливые со мной,
Кто разделяет темноту вокруг.
На тех камнях за ширмой веток-рук
Их имена под шапкой моховой

Они неутомимы, но грустны,
Парнишка с девушкою видят сны,
Не зазвучит меж ними тихо песнь,
Но, что ни говори, а все же здесь
Мне лучшие соседи не нужны.

Ghost House

I dwell in a lonely house I know
That vanished many a summer ago,
And left no trace but the cellar walls,
And a cellar in which the daylight falls,
And the purple-stemmed wild raspberries grow.

O'er ruined fences the grape-vines shield
The woods come back to the mowing field;
The orchard tree has grown one copse
Of new wood and old where the woodpecker chops;
The footpath down to the well is healed.

I dwell with a strangely aching heart
In that vanished abode there far apart

On that disused and forgotten road
That has no dust-bath now for the toad.
Night comes; the black bats tumble and dart;

The whippoorwill is coming to shout
And hush and cluck and flutter about:
I hear him begin far enough away
Full many a time to say his say
Before he arrives to say it out.

It is under the small, dim, summer star.
I know not who these mute folk are
Who share the unlit place with me--
Those stones out under the low-limbed tree
Doubtless bear names that the mosses mar.

They are tireless folk, but slow and sad,
Though two, close-keeping, are lass and lad,--
With none among them that ever sings,
And yet, in view of how many things,
As sweet companions as might be had.

Canis Major*

Большой Звездный Пес
Небесная тварь
Один глаз – звезда.
С востока, как встарь,
На лапах он двух
До запада путь
Танцует, ему

Нельзя отдохнуть.
Дворовый я пес,
Но ночью спою,
С Большим Звездным Псом
Что скачет сквозь тьму.

* Созвездие Большого Пса(лат.)

Canis Major

The great Overdog
That heavenly beast
With a star in one eye
Gives a leap in the east.
He dances upright
All the way to the west
And never once drops
On his forefeet to rest.
I'm a poor underdog,
But to-night I will bark
With the great Overdog
That romps through the dark.

Лес тихий поглотил меня, в листве
Напев растаял мой среди ветвей.
К опушке ты пришла в один из дней
И наблюдала ты (в моей мечте).
Колеблясь, ты стояла на черте,

Качнув печально головой своей:
«Он должен сбросить сам покров теней -
Пройти я не отважусь по тропе».

Я не вдали, а рядом был с тобой
Здесь, позади ветвей упавших крыл.
Расплатой пронизала сердце боль,
Что я увиденного, не раскрыл.
Мое уединенье длилось зря,
И лес очнувшись, мне вернет тебя.

A Dream Pang

I had withdrawn in forest, and my song
Was swallowed up in leaves that blew alway;
And to the forest edge you came one day
(This was my dream) and looked and pondered long,
But did not enter, though the wish was strong:
You shook your pensive head as who should say,
'I dare not - to far in his footsteps stray-
He must seek me would he undo the wrong.'

Not far, but near, I stood and saw it all
Behind low boughs the trees let down outside;
And the sweet pang it cost me not to call
And tell you that I saw does still abide.
But 'tis not true that thus I dwelt aloof,
For the wood wakes, and you are here for proof.

Решил прогнать я птаху со двора,
Что возле дома пела мне с утра.

В ладоши хлопнул птице из дверей,
Терпенье лопнуло в душе моей.

Досаду мне хлопок оставил тот,
Ведь птахи нет вины в наборе нот.

И что-то есть не правильное здесь,
В желании прервать чужую песнь.

A Minor Bird

I have wished a bird would fly away,
And not sing by my house all day;

Have clapped my hands at him from the door
When it seemed as if I could bear no more.

The fault must partly have been in me.
The bird was not to blame for his key.

And of course there must be something wrong
In wanting to silence any song.

Песчаные Дюны

Волн зелена вода,
Там, где они умрут,
Из рыжего песка
Громады волн встают.

И море из песков
Спешит похоронить
Поселок рыбаков,
Раз их не утопить.

Захватит бухту, мыс,
Но не познать людей,
И чтоб проникнуть в мысль,
Нет по земле путей.

Оставлен утонуть
Корабль или дом,
Свободней с мыслью путь,
Чем в раковине сон.

Sand Dunes

Sea waves are green and wet,
But up from where they die,
Rise others vaster yet,
And those are brown and dry.

They are the sea made land
To come at the fisher town,
And bury in solid sand
The men she could not drown.

She may know cove and cape,
But she does not know mankind
If by any change of shape,
She hopes to cut off mind.

Men left her a ship to sink:
They can leave her a hut as well;
And be but more free to think
For the one more cast-off shell.

Освобождение месяца

Примерил с неба месяц молодой,
Сияющий над вязом и над фермой,
Как в прядь твою жемчужину звездой.
Примерил блеск полоской эфемерной
Один, затем в чудесном переплете
С сияньем капель дождевых в полете.

Я все вокруг украсить им был рад.
Гуляя под вечернею звездою
Я месяц поднял из ветвей, как клад,
И нес его над глянцевой водою,
И бросил в волны, отраженье лика
Там растворилось в разноцветных бликах.

The Freedom of the Moon

I've tried the new moon tilted in the air
Above a hazy tree-and-farmhouse cluster
As you might try a jewel in your hair.
I've tried it fine with little breadth of luster,

Alone, or in one ornament combining
With one first-water start almost shining.

I put it shining anywhere I please.
By walking slowly on some evening later,
I've pulled it from a crate of crooked trees,
And brought it over glossy water, greater,
And dropped it in, and seen the image wallow,
The color run, all sorts of wonder follow.

О дереве, упавшем поперёк дороги (Чтоб выслушать)

Швырнула буря на дорогу ель,
Не для того, чтоб не прошли мы здесь,
Не чтоб преграда отдалила цель,
Но только чтоб спросить нас, кто мы есть,

Упорствующие в пути с утра.
Она хотела придержать наш бег,
Оставив нас в лесу без топора,
И погрузив нас на полметра в снег.

И знает, что усилия пусты:
Мы не свернем от нашей цели вспять,
В себе скрывая от нее мечты,
Пытаясь необъятное объять,

Устанем мы, на месте покружив,
Но снова вдаль поманят миражи.

On A Tree Fallen Across The Road (To hear us talk)

The tree the tempest with a crash of wood
Throws down in front of us is not bar
Our passage to our journey's end for good,
But just to ask us who we think we are

Insisting always on our own way so.
She likes to halt us in our runner tracks,
And make us get down in a foot of snow
Debating what to do without an ax.

And yet she knows obstruction is in vain:
We will not be put off the final goal
We have it hidden in us to attain,
Not though we have to seize earth by the pole

And, tired of aimless circling in one place,
Steer straight off after something into space.

Свернув на спелый аромат
Из-за ограды вдоль пути,
Направил взор в осенний сад,
Надеясь, яблоню я там
Свободной от плодов найти,
Где дрожь последнего листа,
Как веера прекрасных дам.

Из яблок, брошенных к ногам
Таких, как получил Адам,
Образовался алый круг.

Всегда забыто что-то вдруг!
Всегда теряет что-то план,
Так яблоки не нужно красть,
Вдыхая аромата сласть.

Unharvested

A scent of ripeness from over a wall.
And come to leave the routine road
And look for what has made me stall,
There sure enough was an apple tree
That had eased itself of its summer load,
And of all but its trivial foliage free,
Now breathed as light as a lady's fan.
For there had been an apple fall
As complete as the apple had given man.
The ground was one circle of solid red.

May something go always unharvested!
May much stay out of our stated plan,
Apples or something forgotten and left,
So smelling their sweetness would be no theft.

Вторжение

Нет, не стоял границы знак,
Да, не огородил земли.
Но здесь земля моя и так:
Права нарушены мои.

Без приглашения он влез
Не ведомый, не званый гость
И занял мой ручей и лес,
С ним день тревог прожить пришлось.

Искал он, может, трилобит,
Книг каменных листы вскрывал,
Давно край ими знаменит,
Но долей там мои права.

Потери пережил бы груз,
Образчик рака в сколе скал,
От небреженья давит грусть,
И взглядом я часы искал.

Но он зашел сказать прости:
Спросил стакан воды, предлог
Пришлось ему изобрести,
Но тем права вернуть мне смог.

Trespass

No, I had set no prohibiting sign,
And yes, my land was hardly fenced.
Nevertheless the land was mine:
I was being trespassed on and against.

Whoever the surly freedom took
Of such an unaccountable stay
Busying by my woods and brook
Gave me a strangely restless day.

He might be opening leaves of stone,
The picture book of the trilobite,
For which the region round was known,
And in which there was little property right.

'Twas not the value I stood to lose
In specimen crab in specimen rock,
But his ignoring what was whose
That made me look again at the clock.

Then came his little acknowledgement:
He asked for a drink at the kitchen door,
An errand he may have had to invent,
But it made my property mine once more.

Сбор листвы A graphic of a single feather with blue, green, and yellow feathers.

Лопатой брать листья,
Не лучше, чем ложкой.
Мешки пузырями,
А веса немножко.

Шуршу целый день я,
Шум не затихает,
Как будто по лесу
Олень убегает.

А горы, что строю,
Текут через руки
В лицо сквозь объятья
Под шелеста звуки.

Гружу и гружу их
Я снова и снова,
И полон сарай мой
До самого крова.

Ни толком в них веса,
Ни яркости лета,
От влаги и грязи
Ни капли в них цвета,

Ни толики прока,
Но жатва есть жатва.
И кто же мне скажет,
Конец будет завтра?

Вариант:

(В них нет толком веса,
Ни яркости лета,
От влаги и грязи
В них нет больше цвета

В них нет капли прока,
Но жатва есть жатва.
И кто же мне скажет,
Конец будет завтра?)

Gathering Leaves

Spades take up leaves
No better than spoons,
And bags full of leaves
Are light as balloons.

I make a great noise
Of rustling all day
Like rabbit and deer
Running away.

But the mountains I raise
Elude my embrace,
Flowing over my arms
And into my face.

I may load and unload
Again and again
Till I fill the whole shed,
And what have I then?

Next to nothing for weight,
And since they grew duller
From contact with earth,
Next to nothing for color.

Next to nothing for use.
But a crop is a crop,
And who's to say where
The harvest shall stop?

Бесстрашие новизны

Я слышал, предков грубость
Теперь изжить должны,
Мол, побеждает мудрость
Жестокости войны.

Они больны опасно
И телом, и душой.
Заманивают басней
В союз нас мировой.

Блаженные в запале
Не будут замечать,
Что низость не пропала
И будет им мешать.

Им поболтать отрада,
Но кто ответит мне,
Нужна ли их отвага
В бездумной новизне.

The Courage to Be New

I hear the world reciting
The mistakes of ancient men,
The brutality and fighting
They will never have again.

Heartbroken and disabled
In body and in mind
They renew talk of the fabled
Federation of Mankind.

But they're blessed with the acumen
To suspect the human trait
Was not the basest human
That made them militate.

They will tell you more as soon as
You tell them what to do
With their ever breaking newness
And their courage to be new.

Наступать нежелательно

Нашла в конце рядка
Те грабли мне нога,
Что ждали с четверга.
Они, поднявшись в рост,
Мне выдали пинка,
Ну, хорошо не в нос.
Не то чтобы в упрек
Я пару слов изрек.
Еще бы я сказал,
Удар мне этот дал
На умысел намек.
Скажи, что я глупец,
Не говорил мудрец,
В плуги перековать
Оружье наконец?
И как же понимать?
Лишь встал на инструмент,
Военный инцидент!

The Objection To Being Stepped On

At the end of the row
I stepped on the toe
Of an unemployed hoe.
It rose in offense
And struck me a blow
In the seat of my sense.
It wasn't to blame
But I called it a name.
And I must say it dealt
Me a blow that I felt
Like a malice prepense.
You may call me a fool,
But was there a rule
The weapon should be
Turned into a tool?
And what do we see?
The first tool I step on
Turned into a weapon.

Как их бесчисленно скопленье
Над вихрями снегов,
Текут среди стволов виденья
Под натиском ветров.

Как будто в трудную минуту
Над шатким шагом взгляд,

Они в снегах наш путь к приюту
Незримо осенят.

Небесного не тронет храма
Любви иль злобы жар,
Взгляд звезд, как глаз Минервы мрамор,
Не дан им зренья дар.

Stars

How countless they congregate
O'er our tumultuous snow,
Which flows in shapes as tall as trees
When wintry winds do blow!--

As if with keenness for our fate,
Our faltering few steps on
To white rest, and a place of rest
Invisible at dawn,--

And yet with neither love nor hate,
Those stars like some snow-white
Minerva's snow-white marble eyes
Without the gift of sight.

Не пройденная дорога

Лес желтый предложил мне два пути,
И одному не выбрать два, а жаль,
И я остановился посреди,
И вглядывался, тщась ответ найти,
Что на одном в подлеске прячет даль.

Но путь другой, что чист был, выбрал я,
Возможно, было то ему нужней,
И протоптать траву он звал меня.
Я по дороге мненье поменял,
И схожими пути считал скорей.

С утра равны вы оба предо мной,
А листья не утоптаны лежат.
О! Через день хотел пройти другой!
Еще не ведая, куда ведет какой,
Я сомневался, что вернусь назад.

Потом я вспомню, испуская вздох,
Года уже промчаться и года:
Я выбрал на развилке двух дорог
Одну, что меньше протоптало ног,
Все изменилось раз и навсегда.

The Road Not Taken

TWO roads diverged in a yellow wood,
And sorry I could not travel both
And be one traveler, long I stood
And looked down one as far as I could
To where it bent in the undergrowth;

Then took the other, as just as fair,
And having perhaps the better claim
Because it was grassy and wanted wear,
Though as for that the passing there
Had worn them really about the same,

And both that morning equally lay
In leaves no step had trodden black.

Oh, I marked the first for another day!
Yet knowing how way leads on to way
I doubted if I should ever come back.

I shall be telling this with a sigh
Somewhere ages and ages hence:
Two roads diverged in a wood, and I,
I took the one less traveled by,
And that has made all the difference.

Квакуший ручей

Зачах ручей к июню понемногу.
Журча, искал он долго путь струей,
Видать нашел наощупь под землей.
(Квакушье племя взяв с собой в дорогу,
В тумане певшее весь май у нас в ногах,
Как духи бубенцов саней в снегах)
Иль он в растущую поднялся Недотрогу,
Цветущая листва, что держится едва,
Нам скрыла путь, каким ушла вода.
Устлали русло бледные листы
Что умерли и слиплись от жары -
Ручей не тот для тех, кто помнит долго.
Как будто это было далеко,
Из песни давней принесло осколком.
Но искренне любить всегда легко.

Hyla Brook

By June our brook's run out of song and speed.
Sought for much after that, it will be found
Either to have gone groping underground
(And taken with it all the Hyla breed
That shouted in the mist a month ago,
Like ghost of sleigh-bells in a ghost of snow)—
Or flourished and come up in jewel-weed,
Weak foliage that is blown upon and bent
Even against the way its waters went.
Its bed is left a faded paper sheet
Of dead leaves stuck together by the heat—
A brook to none but who remember long.
This as it will be seen is other far
Than with brooks taken otherwhere in song.
We love the things we love for what they are.

Теперь закрой окно

Закрой окно и стихнет поля даль,
И кроны пусть качаясь замолчат,
Нет пенья птиц, поющих видеть жаль
Среди утрат.

Так долго топь не зарастет травой,
Так долго не услышишь ранних птах.
Закрой окно, и стихнет ветра вой,
Смотри, он гонит прах.

Now close the window

Now close the windows and hush all the fields:
If the trees must, let them silently toss;
No bird is singing now, and if there is,
Be it my loss.

It will be long ere the marshes resume,
It will be long ere the earliest bird:
So close the windows and not hear the wind,
But see all wind-stirred.

Любовь коснулась губ
Так сладко, что нет сил.
Мне показалось вдруг,
Что воспарил.
Тек сладостный мускат
Лозы, что не видна,
Где скрылся виноград,
В тени холма?
Кружение и боль
Испытывал в лесу.
Ветвь жимолости тронь,
Стряхнешь росу.
Страдал я до тоски,
Мы в юности слепы.
У роз есть лепестки,

Но есть шипы.
Теперь вся радость соль,
Печаль от прошлых грез,
Не бьет с размаху боль.
Я жажду слез
В послед любви поры,
И стал мне сладостным
Вдруг горький вкус коры,
Гвоздики дым.
Боль сводит, ноет шрам,
Я руку уберу,
Опорой выбрал сам
Песок, траву.
Страдать хочу я всласть,
До кончиков волос,
К камням земли припасть
Во весь свой рост.

To earthward

Love at the lips was touch
As sweet as I could bear;
And once that seemed too much;
I lived on air
That crossed me from sweet things,
The flow of - was it musk
From hidden grapevine springs
Down hill at dusk?
I had the swirl and ache
From sprays of honeysuckle
That when they're gathered shake
Dew on the knuckle.
I craved strong sweets, but those

Seemed strong when I was young;
The petal of the rose
It was that stung.
Now no joy but lacks salt
That is not dashed with pain
And weariness and fault;
I crave the stain
Of tears, the aftermath
Of almost too much love,
The sweet of bitter bark
And burning clove.
When stiff and sore and scarred
I take away my hand
From leaning on it hard
In grass and sand,
The hurt is not enough:
I long for weight and strength
To feel the earth as rough
To all my length.

Я к Богу взгляд поднял,
Мол, в мире жить все хуже,
Но хуже то, что там
Его не обнаружил.

Не смеялся было так,
Бог сверху взгляд свой кинул,
Меня не обнаружил -
Почти наполовину.

Not All There

I turned to speak to God
About the world's despair;
But to make bad matters worse
I found God wasn't there.

God turned to speak to me
(Don't anybody laugh)
God found I wasn't there –
At least not over half.

Трудности учёта

Не узнаешь список трат,
Там, где мот покинул старт.
Но подумать кто бы смог,
Помнить слишком долгий срок,
Как последний цент утёк.

The Hardship of Accounting

Never ask of money spent
Where the spender thinks it went.
Nobody was ever meant
To remember or invent
What he did with every cent.

Снежная пыль

Вороны путь
Прошел меж тсуг,
Пыль снега сдуть
Смог крыльев звук
Вниз на меня,
Дал сердцу шанс,
Остаток дня
От грусти спас.

Dust of Snow

The way a crow
Shook down on me
The dust of snow
From a hemlock tree*
Has given my heart
A change of mood
And saved some part
Of a day I had rued.

* hemlock tree -

Tsuga canadensis, also known as eastern or Canadian hemlock

В лиственных лесах

Листва лежит, а сверху сыпет снова!
Теряют тень деревьев шапки,
Сшивая бежевую ткань покрова
Как будто, для земли перчатки.

И прежде чем листва наполнит снова
Деревьев зеленеющие кроны.
Она должна упасть последним слоем.
Она должна пройти сквозь тлен суровый.

Она должна быть проткнута ростками,
И лечь танцующим цветам под ноги.
Тот мир другой, но я узнал с годами,
В наш также нет другой дороги.

In Hardwood Groves

The same leaves over and over again!
They fall from giving shade above
To make one texture of faded brown
And fit the earth like a leather glove.

Before the leaves can mount again
To fill the trees with another shade,
They must go down past things coming up.
They must go down into the dark decayed.

They must be pierced by flowers and put
Beneath the feet of dancing flowers.
However it is in some other world
I know that this is way in ours.

Во мне

Мое желание средь темных крон,
Где ветер средь ветвей впадает в сон,
На них лежит не просто маска тьмы,
Они простерлись до границ судьбы.
И я не удержусь в один из дней,
Исчезну в бесконечности ветвей,
Без страха, что найду земли клочок,
Иль путь, где медленно кружит песок.
И не найду причин идти назад,
Мне в след пусть встанут, если захотят
Догнать меня, кого охватит грусть,
Узнают, как мне дороги там пусть,
И не найдут они меня другим,
Надеждам лишь поверившим своим.

Into my own

One of my wishes is that those dark trees,
So old and firm they scarcely show the breeze,
Were not, as 'twere, the merest mask of gloom,
But stretched away unto the edge of doom.
I should not be withheld but that some day
Into their vastness I should steal away,
Fearless of ever finding open land,
Or highway where the slow wheel pours the sand.
I do not see why I should e'er turn back,
Or those should not set forth upon my track
To overtake me, who should miss me here
And long to know if still I held them dear.
They would not find me changed from him they knew -
Only more sure of all I thought was true.

Весенние лужи

Лесные лужи отражают свет
Небесный, даже пятнышка в нем нет,
И как цветы, простужено дрожат,
И как цветы, они пропасть должны.
Хотя приток реки принять их рад,
Но корни их поднимут для листвы.
Удержат почки воду средь небес,
Чтоб затенить листвою летний лес,
Не прежде чем решит он, что готов
Смыть, выпить, иссушить до дна
Цветы в воде и водный сад цветов,
След снега, что растаял лишь вчера.

Spring pools

These pools that, though in forests, still reflect
The total sky almost without defect,
And like the flowers beside them, chill and shiver,
Will like the flowers beside them soon be gone,
And yet not out by any brook or river,
But up by roots to bring dark foliage on.
The trees that have it in their pent-up buds
To darken nature and be summer woods -
Let them think twice before they use their powers
To blot out and drink up and sweep away
These flowery waters and these watery flowers
From snow that melted only yesterday.

Не нужные

Оставлены на выбранной дороге,
Как будто в нас двоих нашли ошибки
Порой сидим мы в тупике в итоге,
Во взгляде светлом места нет тревоге,
Чувств брошенности избегаем пытки.

In Neglect

They leave us so to the way we took,
As two in whom they were proved mistaken,
That we sit sometimes in the wayside nook,
With mischievous, vagrant, seraphic look,
And try if we cannot feel forsaken.

Мимолетное видение

Я вижу цветы, мелькают в окне,
Но их не узнать на скорости мне.

Я выйти хочу , вернуться назад,
Там вдоль полотна соцветья дрожат.

Я знаю их всех, средь сгинувших в даль
Не рос иван-чай, он первый на гарь,

Не рос колокольчик, неба цветок,
Ни яркий люпин, что любит песок.

Но что же тогда привиделось мне,
То, что не нашел никто на земле?

Виденье лишь тем дают небеса,
Кто не опустил под ноги глаза.

A Passing Glimpse

I often see flowers from a passing car
That are gone before I can tell what they are.

I want to get out of the train and go back
To see what they were beside the track.

I name all the flowers I am sure they weren't;
Not fireweed loving where woods have burnt--

Not bluebells gracing a tunnel mouth--
Not lupine living on sand and drouth.

Was something brushed across my mind
That no one on earth will ever find?

Heaven gives its glimpses only to those
Not in position to look too close.

Но космос

Но космос он
Не близок к нам,
Им опьянен,
Кто здесь рожден,
Назло мечтам
Не заселен.

But outer Space

But outer Space,
At least this far,
For all the fuss
Of the populace
Stays more popular
Than populous

Огонь и лед

Кто прочит миру смерть в огне,
Кто ото льда.
Но если б выбор дали мне,
Я с теми, кто сказал в огне.
Но при попытке номер два,
А ненависть тяжелый труд,
Для разрушенья глыбы льда
Вполне сойдут
И будет тьма.

Fire and ice

Some say the world will end in fire,
Some say in ice.
From what I've tasted of desire
I hold with those who favor fire.
But if it had to perish twice,
I think I know enough of hate
To say that for destruction ice
Is also great
And would suffice.

Пес старый лает, но не в силах встать,
Щенком, я помню, умешался в пядь.

The Span Of Life

The old dog barks backwards without getting up.
I can remember when he was a pup.

Я тот, кто близко ночь познал в пути.
Я в дождь ушел, вернулся в дождь под кров.
Я был настигнут светом городским.
Я наблюдал унылость тупиков.

Я миновал правопорядка слуг,
Взгляд опустил, не зная нужных слов.
Я встал и замер, шага замер звук.
Поверх домов, застыв среди преград,
Раздался крик из дальних улиц вдруг,
Он не прощался и не звал назад,
Растаял в небе, как песок в горсти,
Остался только лунный циферблат
Часов, что знали встать им иль идти.
Я тот, кто близко ночь познал в пути.

Acquainted With The Night

I have been one acquainted with the night.
I have walked out in rain - and back in rain.
I have outwalked the furthest city light.
I have looked down the saddest city lane.
I have passed by the watchman on his beat
And dropped my eyes, unwilling to explain.
I have stood still and stopped the sound of feet
When far away an interrupted cry
Came over houses from another street,
But not to call me back or say good-by;
And further still at an unearthly height,
One luminary clock against the sky
Proclaimed the time was neither wrong nor right.
I have been one acquainted with the night.

Страхи выюги

Когда бушует ветер, нам из тьмы
Швыряя снег,
Что мне в восточное окно летит,
То зверем сипло лает, то мольбы
Хрипит:
«Ко мне! Ко мне!»
Душе где силы взять, ответить тьме,
О, нет!
Считаю рать,
Мы и дитя,
Кто из троих не спит, тот удручен.
Огонь в камине начал умирать,
Двор заметен
Так, что пройти нельзя
Там вдалеке растет сарая тень.
Сомнений ужас сердце охватил,
Сумеем ли мы выбраться за день,
И собственных достаточно ли сил.

Storm Fear

WHEN the wind works against us in the dark,
And pelts with snow
The lowest chamber window on the east,
And whispers with a sort of stifled bark,
The beast,
‘Come out! Come out!’—
It costs no inward struggle not to go,
Ah, no!
I count our strength,

Two and a child,
Those of us not asleep subdued to mark
How the cold creeps as the fire dies at length,—
How drifts are piled,
Dooryard and road ungraded,
Till even the comforting barn grows far away
And my heart owns a doubt
Whether 'tis in us to arise with day
And save ourselves unaided.

Пустынные места

Ночь падала, и падал в поле снег,
И уходящему смотрел я вслед.
Почти сплошным снег покрывалом лег,
И редко где еще торчит побег.

Лесов владенья это, это их.
Берлогою укрытый зверь затих.
Я слишком был подавлен, чтоб понять
Всю меру одиночества в тот миг.

Уединен, и значит одинок,
Сомнется одиночество в тот срок,
Когда внезапно все укроет снег
С бесстрастiem, что не знает слов для строк.

Не страшен бесконечности простор
Меж звезд — людей там не отыщет взор.
Но страх, живет во мне, хоть близок дом,
Родных мест пустоты немой укор.

Desert Places

Snow falling and night falling fast, oh, fast
In a field I looked into going past,
And the ground almost covered smooth in snow,
But a few weeds and stubble showing last.

The woods around it have it—it is theirs.
All animals are smothered in their lairs.
I am too absent-spirited to count;
The loneliness includes me unawares.

And lonely as it is, that loneliness
Will be more lonely ere it will be less—
A blankee whiteness of benighted snow
With no expression, nothing to express.

They cannot scare me with their empty spaces
Between stars—on stars where no human race is.
I have it in me so much nearer home
To scare myself with my own desert places.

Никогда не убегающий

Он не беглец, сбежавший и бегущий.
И в беге не запнется оглянувшись.
Не сзади гонит страх его, он рядом
По обе руки курса и, возможно,
Не менее зигзаг прям, чем прямая.
Лицом идет вперед он. Он искатель.

Он ищет ищащего тех, кто ищет,
Потерянного впереди, в пространстве.
Вся жизнь его стремленье за стремленьем.
Грядущее творится так сегодня.
И бесконечно длится цепь влеченья.

Escapist—Never

He is no fugitive—escaped, escaping.
No one has seen him stumble looking back.
His fear is not behind him but beside him
On either hand to make his course perhaps
A crooked straightness yet no less a straightness.
He runs face forward. He is a pursuer.
He seeks a seeker who in his turn seeks
Another still, lost far into the distance.
Any who seek him seek in him the seeker.
His life is a pursuit of a pursuit forever.
It is the future that creates his present.
All is an interminable chain of longing.

Гороховая поросль

Из церкви в воскресенье шел домой
И там, где Джон березу вырубал,
Меня заметив, он совет дал свой,
Чтоб я горох на прутья подвязал.

Пробило солнце щель меж облаков,
Пекло, хотя был только первомай,

Но в жар вмешался аромат пеньков,
Чья кровь сочилась через раны край.

Хор тысяч лягушачьих голосов
От влажной почвы без одежды трав,
Смолкал, заслушав звук моих шагов,
И вновь звучал, минуту подождав.

Березы ветви сброшены в навал,
Свежи, как только из-под топора,
Ждут, чтоб садовник с тачкой их забрал
Отсюда, где цветам цвести пора.

В саду подпорки обовьют вокруг
Ростки, что не способны устоять,
Узором ниток между пальцев рук,
Чтоб от земли самих себя поднять.

Росло здесь столько диких малышей,
Весь триллиум был ветками помят.
Зацвел он до падения ветвей,
Теперь цветы под грудою лежат.

Pea Brush

I WALKED down alone Sunday after church
To the place where John has been cutting trees
To see for myself about the birch
He said I could have to bush my peas.

The sun in the new-cut narrow gap
Was hot enough for the first of May,
And stifling hot with the odor of sap
From stumps still bleeding their life away.

The frogs that were peeping a thousand shrill
Wherever the ground was low and wet,
The minute they heard my step went still
To watch me and see what I came to get.

Birch boughs enough piled everywhere!—
All fresh and sound from the recent axe.
Time someone came with cart and pair
And got them off the wild flower's backs.

They might be good for garden things
To curl a little finger round,
The same as you seize cat's-cradle strings*,
And lift themselves up off the ground.

Small good to anything growing wild,
They were crooking many a trillium
That had budded before the boughs were piled
And since it was coming up had to come.

* cat's-cradle strings - Игра, в которой нитку натягивают меняющимся узором между пальцами двух рук.

Шаг назад

Стопы на путь направил
Не жди песок и гравий,
Ждут камни грязь и жижа,
Да точит берег ниже
Прилив ударом мерным,
Обвал готовя верный.

Я понял мира шаткость
Над будущим оврагом,
Потребовалась малость.
Я изменил все шагом
С пути, что я наметил.
И в мире все ожило.
Стих дождь, а с ним и ветер
И солнце засветило.

One Step Backward Taken

Not only sands and gravels
Were once more on their travels,
But gulping muddy gallons
Great boulders off their balance
Bumped heads together dully
And started down the gully.
Whole capes caked off in slices.
I felt my standpoint shaken
In the universal crisis.
But with one step backward taken
I saved myself from going.
A world torn loose went by me.
Then the rain stopped and the blowing,
And the sun came out to dry me.

После снега

В сплошную снежную метель
Я на снегу увидел тень.
И взгляд свой бросил в небеса,
Где ищут истины глаза
В предчувствии земных потерь.

Коль тьмы предметом стал игры,
И коль ответ во мне лишь скрыт,
Пусть скажет тень в одной из форм,
Что нарисует снежный штурм,
За что я светом позабыт.

И вновь я посмотрел наверх.
Свод излучал голубизну:
В своем паденье замер снег,
В морозной дымке солнца след
Сиял, рассеивая тьму.

After flakes

In the thick of a teeming snowfall
I saw my shadow on snow.
I turned and looked back up at the sky,
Where we still look to ask the why
Of everything below.

If I shed such a darkness,
If the reason was in me,
That shadow of mine should show in form
Against the shapeless shadow of storm,
How swarthy I must be.

I turned and looked back upward.
The whole sky was blue;
And the thick flakes floating at a pause
Were but frost knots on an airy gauze,
With the sun shining through.

Проходя незамеченным

Как вздох растает в вышине,
Крик в вольно вьющейся листве.
Что ты в тени вершин стволов
В союзе с розою ветров?

Не больше пятен орхидей,
Впитавших свет потухших дней,
Не укрывает их свой лист,
И пестрыми цветками вниз.

Ты складки в руки взял коры,
Взглянул, как вверх бегут стволы,
Но на листе что вниз кружит,
Строокою имя не лежит.

Помедлишь, час твой истечет,
Лес память, как листву сметет,
Не вспомнив ветки орхидей,
Что часа твоего трофей.

On Going Unnoticed

As vain to raise a voice as a sigh
In the tumult of free leaves on high.
What are you in the shadow of trees
Engaged up there with the light and breeze?

Less than the coral-root you know
That is content with the daylight low,
And has no leaves at all of its own;
Whose spotted flowers hang meanly down.

You grasp the bark by a rugged pleat,
And look up small from the forest's feet.
The only leaf it drops goes wide,
Your name not written on either side.

You linger your little hour and are gone,
And still the wood sweep leafily on,
Not even missing the coral-root flower
You took as a trophy of the hour.

Два странника в распутицу

Из леса в слякоть двое шли,
Застав меня за колкой дров,
Один, прервав труды мои,
Сказал: «Да, ты колоть здоров!»
Я знал, что он имел ввиду,
И что двоим нет места тут,

Я знал, что начал он игру,
Чтоб мой за плату сделать труд.

Дуб на квадраты я колю,
Вокруг поленья на земле.
И каждый снова расщеплю,
Раскол, как трещина в скале.
Топор заученно летит,
Удары сдержанно-точны,
В такие дни душа парит,
Хотя дрова мне не нужны.

Тепло от солнца, воздух стыл.
Апрель капризен, так и знай,
Сменяет ветер солнца пыл.
Ты только скажешь: «Словно май!»
Накроют облака простор,
Со свода солнца гаснет взгляд,
Прохладой тянет снежных гор,
И в март вернешься ты назад.

Синичка приземлилась здесь
И опустила хохолок.
Но писк её еще не песнь,
Как не цветение цветок.
Снежинки, хоть и не снега,
Зиме в охотку поиграть,
Надежда ложная – беда,
Цветенье рано предвещать.

Мы летом режем ивы прут,
Чтоб воду отыскать с лозой.
Сейчас в следе копыта - пруд.

Ручей струится колеёй,
Воде ты рад, но помни, друг,
Что скрылся холод под землей,
Как сядет солнце прорастут
Клыков кристаллы над водой.

Мне в радость в это время труд,
Любовь лишь только возросла,
Когда бродягу понял вдруг.
Считал он, раньше не несла
Рука вверх веса топора
В замахе, над мостом из ног,
И свежесть влаги и тепла,
Весны я чувствовать не мог.

Нескладных парочка бродяг
(Ночь без комфорта скоротав
На вырубке среди коряг)
Считали: здесь их больше прав.
В лесу ведь каждый лесоруб
Мне бросить мог такой укор.
Им ясно, что хозяин глуп,
Коль вместо них берет топор.

Слов не нашлось у двух сторон,
Осталось на правах стоять.
Их логикой я был ведом,
Я права не имел играть
С тем, что работа для других.
Моя любовь, для них нужда.
Две правды были на двоих,
Их лучше, мне она чужда.

Кому-то польза поделить,
Но я в один поставлю ряд
Слова работать и любить,
Один глаза имеют взгляд.
Там, где любовь с нуждой одно,
Игра с работою сродни.
Срастется жизни полотно
Во имя неба и земли.

Two Tramps In Mud Time

Out of the mud two strangers came
And caught me splitting wood in the yard,
And one of them put me off my aim
By hailing cheerily "Hit them hard!"
I knew pretty well why he had dropped behind
And let the other go on a way.
I knew pretty well what he had in mind:
He wanted to take my job for pay.

Good blocks of oak it was I split,
As large around as the chopping block;
And every piece I squarely hit
Fell splinterless as a cloven rock.
The blows that a life of self-control
Spares to strike for the common good,
That day, giving a loose to my soul,
I spent on the unimportant wood.

The sun was warm but the wind was chill.
You know how it is with an April day
When the sun is out and the wind is still,
You're one month on in the middle of May.
But if you so much as dare to speak,

A cloud comes over the sunlit arch,
A wind comes off a frozen peak,
And you're two months back in the middle of March.

A bluebird comes tenderly up to alight
And turns to the wind to unruffle a plume,
His song so pitched as not to excite
A single flower as yet to bloom.
It is snowing a flake; and he half knew
Winter was only playing possum.
Except in color he isn't blue,
But he wouldn't advise a thing to blossom.

The water for which we may have to look
In summertime with a witching wand,
In every wheelrut's now a brook,
In every print of a hoof a pond.
Be glad of water, but don't forget
The lurking frost in the earth beneath
That will steal forth after the sun is set
And show on the water its crystal teeth.

The time when most I loved my task
The two must make me love it more
By coming with what they came to ask.
You'd think I never had felt before
The weight of an ax-head poised aloft,
The grip of earth on outspread feet,
The life of muscles rocking soft
And smooth and moist in vernal heat.

Out of the wood two hulking tramps
(From sleeping God knows where last night,
But not long since in the lumber camps).

They thought all chopping was theirs of right.
Men of the woods and lumberjacks,
They judged me by their appropriate tool.
Except as a fellow handled an ax
They had no way of knowing a fool.

Nothing on either side was said.
They knew they had but to stay their stay
And all their logic would fill my head:
As that I had no right to play
With what was another man's work for gain.
My right might be love but theirs was need.
And where the two exist in twain
Theirs was the better right--agreed.

But yield who will to their separation,
My object in living is to unite
My avocation and my vocation
As my two eyes make one in sight.
Only where love and need are one,
And the work is play for mortal stakes,
Is the deed ever really done
For Heaven and the future's sakes.

Дверь без замка

Прошло много лет,
Услышал я стук.
Но дверь без замка,
Подумал я вдруг.

Задул я огонь,
На цыпках прошёл,
И, руки воздев,
Молитву прочел.

Но слышу стук вновь.
Я влез на карниз,
Окно распахнул,
И свесился вниз.

Подавшись назад,
Велел я зайти,
Любой постучать
Мог в двери мои.

Покинул на стук
Я клетки порог,
И скрыл меня мир,
Меняя в свой срок.

The Lockless Door

It went many years,
But at last came a knock,
And I thought of the door
With no lock to lock.

I blew out the light,
I tip-toed the floor,
And raised both hands
In prayer to the door.

But the knock came again.
My window was wide;

I climbed on the sill
And descended outside.

Back over the sill
I bade a 'Come in'
To whatever the knock
At the door may have been.

So at a knock
I emptied my cage
To hide in the world
And alter with age.

Во время ливня

Снова ливень рвет и мечет!
Худшее что может он,
Раз в саду разжиться нечем,
К морю сдвинуть дерна ком.

Стар как мир такой обычай,
Что унес дождь с горных ферм
Каждый год своей добычей,
В убыль списывать затем.

Но убыток жаль не очень.
Просто жирный перегной
Смоет с садом вместе к ночи
Весь в овражек под горой.

Все один толчок нарушит,
Горы в море сбросит он,
Дно морское станет сушей,
Сменится земли наклон.

Убегать всегда готовый
Бить о камни ноги в кровь,
Обрету путь к солнцу новый,
И вернется вера вновь.

Мой же инструмент вчерашний
Вывернет на воздух плуг,
Хоть окаменел он в пашне,
Но мозоли помнит рук.

Путь не выглядит удачным,
Бесконечных бед повтор.
Только я не стану мрачным,
И сдержу судьбе укор.

In Time of Cloudburst

Let the downpour roil and toil!
The worst it can do to me
Is carry some garden soil
A little nearer the sea.

'Tis the world old way of the rain
When it comes to a mountain farm
To exact for a present gain
A little of future harm.

And the harm is none too sure.
For when all that was rotted rich

Shall be in the end scoured poor,
When my garden has gone down ditch,

Some force has but to apply,
And summits shall be immersed,
The bottom of seas raised dry,
The slope of the earth reversed.

Then all I need do is run
To the other end of the slope
And on tracts laid new to the sun
Begin all over to hope.

Some worn old tool of my own
Will be turned up by the plow,
The wood of it changed to stone,
But as ready to wield as now.

May my application so close
To the endless repetition
Never make me tired and morose
And resentful of man's condition.

Последний час

Я прогуляться шел зимой
Один вечернею порой.
Лишь домиков чуть выше ряд
Бросал на снег блестящий взгляд.

И думал я, народ вокруг,
Я слышал ясно скрипки звук.

Я видел сквозь узоры штор
Фигур мельканье, юный взор.

Я в центре, а вокруг толпа,
Я шел, но кончились дома.
Я повернул идти назад,
Я окон не нашел глаза.

Мои скрипучие шаги,
Встревожить улиц сон могли,
Иль оскорбить, в других словах,
Зима, и десять на часах.

Good Hours

I had for my winter evening walk--
No one at all with whom to talk,
But I had the cottages in a row
Up to their shining eyes in snow.

And I thought I had the folk within:
I had the sound of a violin;
I had a glimpse through curtain laces
Of youthful forms and youthful faces.

I had such company outward bound.
I went till there were no cottages found.
I turned and repented, but coming back
I saw no window but that was black.

Over the snow my creaking feet
Disturbed the slumbering village street
Like profanation, by your leave,
At ten o'clock of a winter eve.

Урок пения

До правил, как нам нужно петь,
Невежда ветер дунул сам,
И стал без умолку реветь,
Хрипеть по долам и лесам.

Но человек его спросил:
Зачем пугаешь всех вокруг,
Чтоб петь не нужно столько сил.
Послушай, лучше верный звук!

Прохлады зачерпнул он в рот,
И в легких воздух задержал,
Когда вполне согрелся тот,
Слегка подул и рот разжал.

Из слов и нот пролился звук,
Как ветер, нежный ветерок,
Прошедший через створки губ.
Понять суть песни ветер смог.

The Aim Was Song

Before man to blow to right
The wind once blew itself untaught,
And did its loudest day and night
In any rough place where it caught.

Man came to tell it what was wrong:
It hadn't found the place to blow;
It blew too hard - the aim was song.
And listen - how it ought to go!

He took a little in his mouth,
And held it long enough for north
To be converted into south,
And then by measure blew it forth.

By measure. It was word and note,
The wind the wind had meant to be -
A little through the lips and throat.
The aim was song - the wind could see.

Заложенное в семени

Ты вечером придешь прервать мой труд,
Когда на стол уже поставлен ужин,
Покину ль белый хоровод мой друг,
Что лепестками вешних яблонь кружит.
(Пусть бесполезны, да, но так нежны,
Бобы, горох смешал их снежный танец)
Пройдем вдоль них, и позабудешь ты
Зачем пришла, со мною схожей станешь,
Невольницей земной весенней страсти.
Любовь зажжется в крошечном зерне,
И взгляд свой оторвать не в нашей власти
Когда, трава родится на земле,
Росток могучий согнутой спиной
Земли комочки сдвинет над собой.

Putting in the Seed

You come to fetch me from my work to-night
When supper's on the table, and we'll see
If I can leave off burying the white
Soft petals fallen from the apple tree
(Soft petals, yes, but not so barren quite,
Mingled with these, smooth bean and wrinkled pea);
And go along with you ere you lose sight
Of what you came for and become like me,
Slave to a Springtime passion for the earth.
How Love burns through the Putting in the Seed
On through the watching for that early birth
When, just as the soil tarnishes with weed,
The sturdy seedling with arched body comes
Shouldering its way and shedding the earth crumbs.

Вглядываясь в созвездия

Ты будешь долго, долго ждать хоть что-нибудь,
Что совершится выше кромки облаков,
Сиянье севера дрожит как в нервах ток.
Сойдется Солнца и Луны небесный путь,
Ни гром, ни пламя не встревожат сон богов.
Лишь видимость пересеченье их дорог,
Не причиняет встреча в небе им вреда.
Спокойно можем мы продолжить с жизнью спор,
Спускается к нам не с луны и звезд беда,

А в переменах нужно жить своим умом.
То правда, засуха закончится дождем,
А в Поднебесной долгий мир сметет раздор.
Награды нет тому, кто ночь провел без сна
В надежде видеть, как прервется тишина
Сейчас и прямо у него над головой.
И прочным выглядит покой небес ночной.

On looking up by chance at the constellations

You'll wait a long, long time for anything much
To happen in heaven beyond the floats of cloud
And the Northern Lights that run like tingling nerves.
The sun and moon get crossed, but they never touch,
Nor strike out fire from each other nor crash out loud.
The planets seem to interfere in their curves
But nothing ever happens, no harm is done.
We may as well go patiently on with our life,
And look elsewhere than to stars and moon and sun
For the shocks and changes we need to keep us sane.
It is true the longest drouth will end in rain,
The longest peace in China will end in strife.
Still it wouldn't reward the watcher to stay awake
In hopes of seeing the calm of heaven break
On his particular time and personal sight.
That calm seems certainly safe to last to-night.

Соринка в глазу

Как говорят, коль сор забился в глаз,
То сдержит это от мудрёных фраз,
Но не из тех я, кто отбросит факт.
Пусть снежного бурана скроет мрак
И с крыши сбросит снега пыль в лицо
И ослепит, раз мне молчать должно'.

Dust in the Eyes

If, as they say, some dust thrown in my eyes
Will keep my talk from getting overwise,
I'm not the one for putting off the proof.
Let it be overwhelming, off a roof
And round a corner, blizzard snow for dust,
And blind me to a standstill if it must.

Цветочная лодка

Двух рыбаков обмен сказ на рассказ
Под сенью парикмахерской уютной,
А свой причал нашел его баркас
В углу стен дома и сарай бухтой.

Насмешкой якорь брошен на газон,
Так до планшира он зарос цветами,
Как он с треской домой под весел стон
От банки Джорджии шел под ветрами.

И я скажу, так романтичен груз,
Что вы просите море крепче ветер,
Под парусом баркас и шкипер пусть
Отыщут остров счастья на рассвете.

The Flower Boat

The fisherman's swapping a yarn for a yarn
Under the hand of the village barber,
And her in the angle of house and barn
His deep-sea dory has found a harbor.

At anchor she rides the sunny sod
As full to the gunnel of flowers growing
As ever she turned her home with cod
From George's bank when winds were blowing.

And I judge from that elysian freight
That all they ask is rougher weather,
And dory and master will sail by fate
To seek the Happy Isles together.

Тень облака

Открытой бриз нашел мою тетрадь,
И начал все листы перебирать,
Хотел найти он про весну поэму.
Сказал я: «Не найдешь ты эту тему!»

Кому стихи ты ищешь о весне?
С пренебреженьем не ответил мне,
Лик облако внезапно затенило.
Я предпочел, чтоб он меня покинул.

A Cloud Shadow

A breeze discovered my open book
And began to flutter the leaves to look
For a poem there used to be on Spring.
I tried to tell her “There’s no such thing!”

For whom would a poem on Spring be by?
The breeze disdained to make reply;
And a cloud shadow crossed her face
For fear I would make her miss the place.

Что сказали мои пятьдесят

Когда был молод, был учитель стар.
Горел я, как пред плавкою метал.
Страдал от рамок непривычных форм.
Учил у взрослых своды древних норм.

Теперь, когда я стар, учитель млад.
Что треснуло, тому никто не рад.
Чтоб в форме быть и трещины стянуть,
Учу у детства будущего путь.

What Fifty Said

When I was young my teachers were the old.
I gave up fire for form till I was cold.
I suffered like a metal being cast.
I went to school to age to learn the past.

Now when I am old my teachers are the young.
What can't be molded must be cracked and sprung.
I strain at lessons fit to start a suture.
I got to school to youth to learn the future.

Авгур*

Однажды я в Калифорнийской Сьерре
Был с ног сбит птицей, был тогда я юным.
И соизмерил с вестником фортуны,
С орлом огромным, ужас в полной мере.

Родители решив, ответ им ведом,
Раз тронут я самой судьбы десницей,
Но был отвергнут королевской птицей,
Сказали, что не стану Ганимедом**.

Барменом не устроил я Юпитер?
На день тот иногда обида гложет,
Коль скажут обо мне, мол, он не может
Вращаться на любой другой орбите.

*Авгуры - древнейшая коллегия жрецов в Риме. Авгур - жрец, гадавший главным образом по полету и пению птиц. Такие

гадания именовались ауспициями - в переносном смысле - люди, делающие вид, что они посвящены в особые тайны или располагают особыми сведениями и излагающие их непонятным, мудреным языком.

**Похищение Ганимеда описано у Гомера.

Из-за своей необыкновенной красоты юный Ганимед был похищен Зевсом и перенесён орлом Зевса (или Зевсом обратившемся в орла) на Олимп...

Ганимедом назван также спутник Юпитера.

Auspex

Once in a California Sierra
I was swooped down upon when I was small,
And measured, but not taken after all,
By a great eagle bird in all its terror.

Such auspices are very hard to read.
My parents when I ran to them averred
I was rejected by the royal bird
As one who would not make a Ganymede.

Not find a barkeep unto Jove in me?
I have remained resentful to this day
When any but myself presumed to say
That there was anything I couldn't be.

Упряжная

Мы с фонарем, но без огня,
В повозке, что до ста лет чуть,
Вслед слишком грунного коня,
Сквозь рощи тьму держали путь.

И человек покинул лес,
И взял коня он под уздцы,
И между ребер нож исчез,
И бедный конь отдал концы.

Он рухнул неуклюже вниз
Оглоблю подломив спиной.
И ночь дополнила эскиз
Мазков из злобы темнотой.

Не в безразличие молчим,
Смиренно пара приняла.
Что ненависть владела им,
Толкнув на черные дела.

Быть может, он решил так сам,
Иль выполнил чужой приказ.
Угодно было небесам,
Пешком пойти заставить нас.

The Draft Horse

With a lantern that wouldn't burn
In too frail a buggy we drove
Behind too heavy a horse
Through a pitch-dark limitless grove.

And a man came out of the trees
And took our horse by the head
And reaching back to his ribs
Deliberately stabbed him dead.

The ponderous beast went down
With a crack of a broken shaft.
And the night drew through the trees
In one long invidious draft.

The most unquestioning pair
That ever accepted fate
And the least disposed to ascribe
Any more than we had to to hate,

We assumed that the man himself
Or someone he had to obey
Wanted us to get down
And walk the rest of the way.

Взрывной восторг

Пришел к врачу задать больной вопрос.
Ушли те времена, когда народ
Трудом крестьянским получал доход.
Здесь и везде, наука лишь прирост
Теперь дает, а к знанью путь не прост.
Учу за день, что узнавал за год,
И напряженье фермерских забот,
Меня загонит скоро на погост.
Но терапевт ответил мне: Так, так...

Проблема эта всех народов враг.
Восторженность в стремленье к чудесам
Пределы все превысила сполна.
Жизнь взрывом облегчат, увидишь сам,
Ведь бомба для того и создана.
Их мастерство в угоду чудесам
Нашли решенье, слава небесам,
Терпенья чаша по края полна.

Bursting Rapture

I went to the physician to complain,
The time had been when anyone could turn
To farming for a simple way to earn;
But now 'twas there as elsewhere, any gain
Was made by getting science on the brain;
There was so much more every day to learn,
The discipline of farming was so stern,
It seemed as if I couldn't stand the strain.
But the physician's answer was "There, there,
What you complain of all the nations share.
Their effort is a mounting ecstasy
That when it gets too exquisite to bear
Will find relief in one burst. You shall see.
That's what a certain bomb was sent to be.

Письмо без марки в нашем сельском почтовом ящике

Всю ночь пес лаял на цепи,
И встали Вы и свет зажгли.
Никто не залезал в амбар,
Почтовый ящик открывал,
Без марки бросив вам письмо,
Бродяга. Это не грешно,
Я занял выгон Ваш давно.
Верхушки елок там, как пики
Стоят вокруг полян безлики
Так ровно, что чуть больше мрак,
На городской похоже парк
Себе я место выбрал там.
Под можжевельником мой храм.
Он теплый плед по самый нос,
Снаружи держит влагу рос.
Но лишь открою я глаза,
Видна мне каждая звезда.
И может быть, часа так в два
Мне в ребра врезалась скала,
Пробив подстил из мха и трав,
Мой сон бессовестно украв.
Лежал, хоть тело затекло,
Не двигаясь, ценя тепло,
Храня его как лучший дар.
Тут в небе разгорелся шар
От слившихся на небе звезд,
Лес осветив на много верст.
И ваш бродячий звездочет
Почувствовал, как мысль течет.

Небесный тот переполох
Дан свыше, чтоб понять я мог
Воспоминанья там, внутри,
Вдруг смысл новый обрели,
И задрожали бормоча,
Я раньше их не замечал.
Ясны вопросы стали те,
Что люди задают в тщете.
Прошу, хозяин поневоле,
Простить, бродягу и не боле.
Вам лучше знать, что было скрыто,
Хоть ржавчина мешала сита,
Небес знак тот же видел гость,
Вам, может, лучше удалось
Понять ночные небеса,
Вы были знака адресат.
Все это важно, без сомненья,
Коль вырывает нас из снов,
Из повседневности трудов
В саду, что более чем мил.
И этот случай побудил
Меня *in forma pauperis*
Пойти на объясненья риск.

An Unstamped Letter in Our Rural Letter Box

Last night your watchdog barked all night,
So once you rose and lit the light.
It wasn't someone at your locks.
No, in your rural letter box
I leave this note without a stamp
To tell you it was just a tramp

Who used your pasture for a camp.
There, pointed like the pip of spades,
The young spruce made a suite of glades
So regular that in the dark
The place was like a city park.
There I elected to demur
Beneath a low-slung juniper
That like a blanket on my chin
Kept some dew out and some heat in,
Yet left me freely face to face
All night with universal space.
It may have been at two o'clock
That under me a point of rock
Developed in the grass and fern,
And as I woke afraid to turn
Or so much as uncross my feet,
Lest having wasted precious heat
I never should again be warmed,
The largest firedrop ever formed
From two stars' having coalesced
Went streaking molten down the west.
And then your tramp astrologer
From see this undoubted stir
In Heaven's firm-set firmament,
Himself had the equivalent,
Only within. Inside the brain
Two memories that long had lain
Now quivered toward each other, lipped
Together, and together slipped,
And for a moment all was plain
That men have though about in vain.
Please, my involuntary host,
Forgive me if I seem to boast.
'Tis possible you may have seen

Albeit through a rusty screen,
The same sign Heaven showed your guest.
Each knows his own discernment best
You have had your advantages.
Things must have happened to you, yes,
And have occurred to you no doubt,
If not indeed from sleeping out,
Then from the work you went about
In farming well—or pretty well.
And it is partly to compel
Myself, in forma pauperis,
To say as much as I wrote you this.

Вопрос A small, stylized feather with blue and green colors, positioned to the right of the word 'Вопрос'.

Мне голос сказал, я средь звезд.
И честно, земли сын ответь.
Как ты среди боли и слез
Родиться решился посметь.

A Question

A voice said, Look me in the stars
And tell me truly, men of earth,
If all the soul-and-body scars
Were not too much to pay for birth.

Время для беседы

Когда окликнет друг с дороги,
Коня поводья натянув,
Не встану я, и взглядом строгим,
На целину холмов взглянув,
Не крикну, что случилось вдруг?
Нет! Будет с другом разговор,
Мотыгу отшвырну под ноги,
В земле торчит пусть мне в укор,
Пойду за каменный забор.
Там поджидает друг.

A Time to Talk

When a friend calls to me from the road
And slows his horse to a meaning walk,
I don't stand still and look around
On all the hills I haven't hoed,
And shout from where I am, What is it?
No, not as there is a time to talk.
I thrust my hoe in the mellow ground,
Blade-end up and five feet tall,
And plod: I go up to the stone wall
For a friendly visit.

Поздняя прогулка

Ступал я через сенокос.
Отавы гладкий шелк,
Укрытый плотным слоем рос,
В саду на тропку лег.

Я шел, а с веток вдоль тропы,
Печальный писк щеглов,
Вспорхнувших с вороха травы,
Грустней был всяких слов.

А от стены, из голых крон
Забытый ржавый лист,
Моим унынием смущен,
Скользнул изящно вниз.

Прошел я путь, в который раз,
За бледно голубой,
Последней из прекрасных астр,
Любимых так тобой.

A Late Walk

When I go up through the mowing field,
The headless aftermath,
Smooth-laid like thatch with the heavy dew,
Half closes the garden path.

And when I come to the garden ground,
The whir of sober birds
Up from the tangle of withered weeds
Is sadder than any words

A tree beside the wall stands bare,
But a leaf that lingered brown,
Disturbed, I doubt not, by my thought,
Comes softly rattling down.

I end not far from my going forth
By picking the faded blue
Of the last remaining aster flower
To carry again to you.

Клочок старого снега

Уголок занял снега клочок,
Но его не узнать.
Словно сброшенный ветром листок,
В дождь уложенный спать.

Испещрен чернотой будто бы
Отпечатанных строк,
Новостей дня, что я позабыл,
Коль прочесть бы их смог.

A Patch of Old Snow

There's a patch of old snow in a corner
That I should have guessed
Was a blow-away paper the rain
Had brought to rest.

It is speckled with grime as if
Small print overspread it,
The news of a day I've forgotten-
If I ever read it.

Светлячки в саду

Над нами звезды полнят небосвод,
Им вторит легкий светлячков полет,
Но их размер, увы, совсем не тот.
(И звездами им быть не по душе)
Смогли звездой мелькнуть на вираже,
А доиграть роль, силы нет уже.

Fireflies in the Garden

Here come real stars to fill the upper skies,
And here on earth come emulating flies,
That though they never equal stars in size,
(And they were never really stars at heart)
Achieve at times a very star-like start.
Only, of course, they can't sustain the part.

Солдат

Лежит он там, где брошен, словно пика,
Не поднятый с тех пор, в росе и рже,
Оставив след, пропаханный в меже.
Но огляди всю ширь земного лика,
Все как всегда, сменяют ночь рассветы.
Но наш убийца слишком близорук
Непомнит, что рассчитаны на круг,
Короткою дугой летят ракеты.
И падают в разорванные травы,
Пересекая линию земли.
Мы б под металлом выжить не могли,
И лишь одно спасает от расправы.
Стреляя в душу, попадаешь в тело,
Дух не поймаешь в оптику прицела.

Soldier

He is that fallen lance that lies as hurled,
That lies unlifted now, come dew, come rust,
But still lies pointed as it ploughed the dust.
If we who sight along it round the world,
See nothing worthy to have been its mark,
It is because like men we look too near,
Forgetting that as fitted to the sphere,
Our missiles always make too short an arc.
They fall, they rip the grass, they intersect
The curve of earth, and striking, break their own;
They make us cringe for metal-point on stone.
But this we know, the obstacle that checked
And tripped the body, shot the spirit on
Further than target ever showed or shone.

Сорванец

Тебе легко отцовский взять топор,
Нож для охоты, на рыбалку снасти,
Срубая ель, был на расправу скор,
Года росло, что вынуждаешь пасть ты.
Душистый лапник смяв своей рукою,
По снегу к дому тащишь за собою.

Я не купил такую, может зря,
Завился б воск у основанья свечи.
Утешило бы это лишь меня,
Но о подарке не могло быть речи.
Добыта елка в ходе приключенья,
А Рождество не время сожаленья.

Мой лес не против света Рождества,
Но даже там, где смертью пахнет снова,
Добра противоречье и добра
Все ж чаще битвы доброго и злого.
Так бог войны, играя с простаками,
С обеими воюет сторонами.

Хотя и в новогодней мишуре,
В плену окна свечей вдыхает гарь,
Ель не на склоне на моей горе.
Не видеть звезд ей больше, жаль, как жаль.
Стеклянная звезда взамен небесной,
Дух Рождества вернет ко мне чудесный.

To a Young Wretch (Boethian)

As gay for you to take your father's ax
As take his gun - rod - to go hunting - fishing.
You nick my spruce until its fiber cracks,
It gives up standing straight and goes down swishing.
You link arm in its arm and you lean
Across the light snow homeward smelling green.

I could have bought you just as good a tree
To frizzle resin in a candle flame,
And what a saving t'would have meant to me.
But tree by charity is not the same
As tree by enterprise and expedition.
I must not spoil your Christmas with contrition.

It is your Christmases against my woods.
But even where, thus, opposing interests kill,
They are to be thought of as opposing goods
Oftener than as conflicting good and evil;
Which makes the war god seem no special dunce
For always fighting on both sides at once.

And though in tinsel chain and popcorn rope
My tree, a captive in your window bay,
Has lost its footing on my mountain slope
And lost the stars of heaven, may, oh, may
The symbol star it lifts against your ceiling
Help me accept its fate with Christmas feeling.

Отсчет времени

Чуть дальше, чем на полпути,
Ключ можно с кружкою найти.
И пил там фермер иль не пил,
Вид родника кобыле мил.
И к стоку за своей мечтой,
Тянула морду со звездой,
Да издавала жуткий хрип.
Но каждый раз шутил стариk,
Чем глубже делаешь ты вздох,
Тем ближе смерть и дальше бог.
Жене всегда так говорю,
Не множь на вздохи смерть свою.
Верны быть может те слова,
Но только вот, ни ты, ни я,
Никто не повторяет бред,
Который причиняет вред.
И знаю, лучше нет пути,
Дорогу к ферме извести,
Чем сократить число людей,
И дать траве расти на ней.

The Times Table

More than halfway up the pass
Was a spring with a broken drinking glass,
And whether the farmer drank or not
His mare was sure to observe the spot
By cramping the wheel on a water-bar,
Turning her forehead with a star,
And straining her ribs for a monster sigh;

To which the farmer would make reply,
'A sigh for every so many breath,
And for every so many sigh a death.
That's what I always tell my wife
Is the multiplication table of life.'
The saying may be ever so true;
But it's just the kind of a thing that you
Nor I, nor nobody else may say,
Unless our purpose is doing harm,
And then I know of no better way
To close a road, abandon a farm,
Reduce the births of the human race,
And bring back nature in people's place.

В заснеженном лесу

Я знаю кто хозяин здесь,
Чей дом скрывает дивный лес.
Но не заметит он меня,
Смотрящего на снег с небес,

Остановившего коня,
Где нет поблизости огня,
Ни фермы, только лес и лед,
Да темень на исходе дня.

Звенящей сбруей конь трясет
Но в чем ошибка не поймет.
Здесь только снежных хлопьев хор
Тихонько ветерок метет,

И манит лес, смотря в упор.
Но долгом скован давних пор,
Мой путь к спокойствию не скор,
Мой путь к спокойствию не скор.

STOPPING BY WOODS ON A SNOWY EVENING

Whose woods these are I think I know.
His house is in the village though;
He will not see me stopping here
To watch his woods fill up with snow.

My little horse must think it queer
To stop without a farmhouse near
Between the woods and frozen lake
The darkest evening of the year.

He gives his harness bells a shake
To ask if there is some mistake.
The only other sound's the sweep
Of easy wind and downy flake.

The woods are lovely, dark and deep,
But I have promises to keep,
And miles to go before I sleep,
And miles to go before I sleep.

За водой

Колодец высох у двери,
И мы с бидоном и ведром
Полями до ручья пошли,
Взглянуть вода бежит ли в нём.

Нам нужен этот был предлог,
Сбежать в осенние поля,
(Хоть холодно), но нашим лог
И лес был нашим вдоль ручья.

Неслись, чтоб встретить лик луны,
Встающей выше крон стволов,
Лес гол в преддверии снегов,
Без ветра, птичьих голосов.

Но замерли в лесу тотчас,
Нас гномы скрыли от луны,
Бежать готовы, скрыться враз
Со смехом, коль опять видны.

Друг с другом здесь наедине,
Чтоб не мешал нам звук речей,
Мы слились вместе в тишине,
Мы слышим, знаем то ручей.

Пел перекат одной из нот,
Подобно тихому звонку.
За каплей капля там течёт
Жемчужиною по клинку.

Going for Water

The well was dry beside the door,
And so we went with pail and can
Across the fields behind the house
To seek the brook if still it ran;

Not loth to have excuse to go,
Because the autumn eve was fair
(Though chill), because the fields were ours,
And by the brook our woods were there.

We ran as if to meet the moon
That slowly dawned behind the trees,
The barren boughs without the leaves,
Without the birds, without the breeze.
But once within the wood, we paused
Like gnomes that hid us from the moon,
Ready to run to hiding new
With laughter when she found us soon.

Each laid on other a staying hand
To listen ere we dared to look,
And in the hush we joined to make
We heard, we knew we heard the brook.

A note as from a single place,
A slender tinkling fail that made
Now drops that floated on the pool
Like pearls, and now a silver blade.

Осложнение

Я никогда ни рад, ни зол,
Что есть такая вещь как зло.
Меня не покидала мысль
Что в этом есть какой-то смысл.
Противоречье не решить,
Что может зло с добром прожить.
Чутье здесь правит средь вражды.
Поэтому мозги нужны,
Коль мы решили отличить,
Что ненавидеть, что любить.
Сказал оракул из Дельфи
Соседа как себя люби,
Но ненавидь его сильней,
Вот осложненье для людей.
Вкусить коль плод познанья смог,
Ничем уж не заменишь мозг.
Я думал тимус не еда,
И в злобе спорил, как всегда.
Ты траты требуешь чернил,
За то, что я разок сгупил,
Таламус в тимусе признав.
Сперва мясник меня поймав,
На пару с поваром стыдил,
Но умной книгой сбили пыл.
Я случай с тимусом пройду
Весьма повысив свой I.Q.

Quandary

Never have I been glad or sad
That there was such a thing as bad.
There had to be, I understood,
For there to have been any good.
It was by having been contrasted
That good and bad so long had lasted.
That's why discrimination reigns.
That's why we need a lot of brains
If only to discriminate
'Twixt what to love and what to hate.
To quote the oracle at Delphi,
Love thy neighbor as thyself, aye,
And hate him as thyself thou hatest.
There quandary is at its greatest.
We learned from the forbidden fruit
For brains there is no substitute.
'Unless it's sweetbreads*, ' you suggest
With innuendo I detest.
You drive me to confess in ink:
Once I was fool enough to think
That brains and sweetbreads were the same,
Till I was caught and put to shame,
First by a butcher, then a cook,
Then by a scientific book.
But 'twas by making sweetbreads do
I passed with such a high I.Q.

*Sweetbread is derived from the thymus of a young animal such as a calf.
Тимус (thymus; греч. thymos тимьян, анат. Thymus) - вилочковая железа животных является деликатесом.

Таламус (лат. Thalamus) — область головного мозга.

Сенокос

Нет ни звука рядом с лесом, лишь один,
То земле шептала длинная коса.
Я не знаю точно, что сказала ей,
О тепле, быть может, в солнечные дни,
Или может быть, что так тихи' уста -
Слабо шепчут лишь, не говоря слова
Не о даре пары праздности часов
Или легком злате эльфов или фей:
Что в сравненье будет истина слаба
Чем любовь, что на лугу лежит в валках
Не без бледно-пестрых колосьев цветов
(Слёз кукушкиных) да испуганных змей.
Сладкая мечта скрывается в трудах.
Так шептала коса сену за ней.

Mowing

There was never a sound beside the wood but one,
And that was my long scythe whispering to the ground.
What was it it whispered? I know not well myself;
Perhaps it was something about the heat of the sun,
Something perhaps, about the lack of sound—
And that was why it whispered and did not speak.
It was not dream of the gift of idle hours,
Or easy gold at the hand of fay or elf:
Anything more than the truth would have seemed too weak
To the earnest love that laid the swale in rows,

Not without feeble-pointed spikes of flowers
(Pale orchises*), and scared a bright green snake.
The fact is the sweetest dream that labor knows.
My long scythe whispered and left the hay to make

* Orchis - Ятрышник (кукушкины слезки, салеп).

О птице, поющей во сне

Полупроснувшись в полночь под луной
Запела птица свой мотив родной.
Быть может, пела ночью только раз,
И куст скрывал её от лишних глаз,
Быть может, не от сердца пенье шло,
Быть слишком вдохновенным не могло
Под страхом острых вражеских ушей,
Риск меньше был, чем представлялось ей.
Но это не сошло на нас пока,
Сквозь пустоту пространства, облака
Пройти перерождений цепь во мгле,
В птиц превратиться людям на земле.
Ведь если вдруг мы петь во сне начнем,
То к хищникам добычей попадем.

On a Bird Singing in Its Sleep

A bird half wakened in the lunar noon
Sang halfway through its little inborn tune.
Partly because it sang but once all night
And that from no especial bush's height;

Partly because it sang ventriloquist
And had the inspiration to desist
Almost before the prick of hostile ears,
It ventured less in peril than appears.
It could not have come down to us so far
Through the interstices of things ajar
On the long bead chain of repeated birth
To be a bird while we are men on earth
If singing out of sleep and dream that way
Had made it much more easily a prey.

Лунный циркуль

Я крался в тьме, дождь приутих слегка
Меж ливней, я взглянул на облака.
Лучей двух циркуль скрытою луной
К горам был спущен в темноте ночной.
Луна, как будто уточнить решив
Кронциркулем величие вершин,
Касалась гор, их светом взяв кольцо.
В любви так в руки мы берем лицо.

Moon Compasses

I stole forth dimly in the dripping pause
Between two downpours to see what there was.
And a masked moon had spread down compass rays
To a cone mountain in the midnight haze,
As if the final estimate were hers,
And as it measured in her calipers,
The mountain stood exalted in its place.
So love will take between the hands a face...

Дерево за окном

Окно и дерево за ним,
Фрамуга опускается на ночь,
Я штор завесу отодвину прочь,
И мы одни.
Неверным миражом всплывают сны,
И мысли распыляются как рой,
Но речи слишком тихие порой
Мне не ясны.
Я видел, древо, сон тревожен твой,
Но если видело, как я в сон погружен,
Ты знаешь, был я тоже унесен
Своей мечтой.
Тот день пересеклись умов пути,
Угодно было видно так судьбе.
Тебя тревожила погода лишь вовне,
Меня в груди.

Tree at my window

Tree at my window, window tree,
My sash is lowered when night comes on;
But let there never be curtain drawn
Between you and me.
Vague dream-head lifted out of the ground,
And thing next most diffuse to cloud,
Not all your light tongues talking aloud
Could be profound.

But tree, I have seen you taken and tossed,
And if you have seen me when I slept,
You have seen me when I was taken and swept
And all but lost.
That day she put our heads together,
Fate had her imagination about her,
Your head so much concerned with outer,
Mine with inner, weather.

Осколки синевы

Зачем везде осколки синевы
И здесь, и там, то бабочка, то птица,
Цветок, сапфир, и глаз из-под ресницы
Под полотном небесной глубины?

Пока еще земля не небеса,
Хоть умники и говорят другое,
Нас манит высотою голубое
И дразнит недоступностью глаза.

Fragmentary Blue

Why make so much of fragmentary blue
In here and there a bird, or butterfly,
Or flower, or wearing-stone, or open eye,
When heaven presents in sheets the solid hue?

Since earth is earth, perhaps, not heaven (as yet)--
Though some savants make earth include the sky;
And blue so far above us comes so high,
It only gives our wish for blue a whet.

I SHALL BE TELL
SOMEWHERE IN AG
TWO ROADS DIVERGE
I TOOK THE ON
AND THAT HAS MADE

TING THIS WITH A SIGH
ES AND AGES HENCE:
ED IN A WOOD, AND I -
E LESS TRAVELED BY,
ALL THE DIFFERENCE
~ROBERT FROST

Середина дороги

Бежит дорога на подъём
Уже к концу идёт,
И дальше в небо попадём.
Так дальний поворот
Уходит будто в древний лес,
Растущий там века,
Успев подняться до небес.
Да вот, мечта пуста,
Взрыв капли влаги из земли
Толкает вес авто
В пределах узкого пути,
Не слишком далеко.
Но не пойдём путём иным
В безудержный полёт,
Что нас поманит голубым,
Иль зеленью зовёт.

The Middleness of the Road

The road at the top of the rise
Seems to come to an end
And take off into the skies.
So at the distant bend
It seems to go into a wood,
The place of standing still
As long the trees have stood.
But say what Fancy will,

The mineral drops that explode
To drive my ton of car
Are limited to the road.
They deal with near and far,
But have almost nothing to do
With the absolute flight and rest
The universal blue
And local green suggest.

Горстка цветов

Я вслед за тем шёл ворошить траву,
Кто здесь косил до солнца поутру.

Роса, точившая косу, ушла,
Передо мной лишь павшая трава.

Я взглядом поискал его вокруг,
Я оселок* услышал на ветру.

Но он ушёл, травы скосив весь клин,
И я быть должен, как и он, один,

Я про себя сказал: «Так быть должно
Работать врозь иль вместе, всё одно».

Но лишь сказал, как красотой маня,
Мелькнула бабочка вокруг меня.

Ища по памяти вчерашние цветы,
Что ей дарили радость красоты.

И я следил за ней, за кругом круг,
Цветы лишь скошенные вяли тут.

То таяла она в голубизне,
То трепет крыльев нёс её ко мне.

Немой вопрос, мог без ответа быть,
Траву мне нужно было ворошить,

Но подвела туда порханьем взгляд,
Где у ручья цветы стояли в ряд.

Цветов рядок коса оберегла,
Тростник в ручье скосила догола.

И я пошёл узнать их имена
Тех, что искала истово она.

Любил косец цветы, но в ранний час
Оставил он цветы не для нас.

Не выразить, что думал я о нём
Но счастье лилось через край тем днём.

И бабочка и я зажгли внутри
Посланье, что отправил до зари.

Шептание почувствовал косы
И щебет птиц в рассветные часы,

Душ родственность с работником другим
И больше не работал я один.

Мы радовались вместе в этот день,
Трудились и искали в полдень тень,

Мечтали, словно знали мы давно
Друг друга, хоть не видел я его.

«Двоим трудиться вместе довелось,
Не важно, были вместе или врозь».

The Tuft Of Flowers

I went to turn the grass once after one
Who mowed it in the dew before the sun.

The dew was gone that made his blade so keen
Before I came to view the levelled scene.

I looked for him behind an isle of trees;
I listened for his whetstone* on the breeze.

But he had gone his way, the grass all mown,
And I must be, as he had been,--alone,

”As all must be,” I said within my heart,
”Whether they work together or apart.”

But as I said it, swift there passed me by
On noiseless wing a bewildered butterfly,

Seeking with memories grown dim over night
Some resting flower of yesterday’s delight.

And once I marked his flight go round and round,
As where some flower lay withering on the ground.

And then he flew as far as eye could see,
And then on tremulous wing came back to me.

I thought of questions that have no reply,
And would have turned to toss the grass to dry;

But he turned first, and led my eye to look
At a tall tuft of flowers beside a brook,

A leaping tongue of bloom the scythe had spared
Beside a reedy brook the scythe had bared.

I left my place to know them by their name,
Finding them butterfly-weed when I came.

The mower in the dew had loved them thus,
By leaving them to flourish, not for us,

Nor yet to draw one thought of ours to him,
But from sheer morning gladness at the brim.

The butterfly and I had lit upon,
Nevertheless, a message from the dawn,

That made me hear the wakening birds around,
And hear his long scythe whispering to the ground,

And feel a spirit kindred to my own;
So that henceforth I worked no more alone;

But glad with him, I worked as with his aid,
And weary, sought at noon with him the shade;

And dreaming, as it were, held brotherly speech

With one whose thought I had not hoped to reach.

"Men work together," I told him from the heart,
"Whether they work together or apart."

*whetstone – оселок, точильный камень для правки косы.

В долине

Когда был юн, стоял наш дом
У топи, и туман во тьму,
Как девы бледность, лился в дол,
Я знал, чей вытянут подол
Сквозь камыши на свет к окну.

Там множество цветов цвело,
У каждого свои черты.
Звучанье в комнату текло
Их голосов через окно
По одному из темноты.

Они с туманом шли тьме,
Спеша так много рассказать,
Что накопилось в их уме,
Чтоб с радостью поведать мне,
Пока не начало светать.

Затем они с росою шли
Перед последнею звездой,
Где птицей пели о любви,

Где как цветы они росли,
Где были сущностью одной.

Живя там, многое узнал
Чем мир цветов и птиц богат.
Коль спросишь, я бы рассказал.
Не зря ночами я не спал,
Цветов вдыхая аромат.

In a Vale

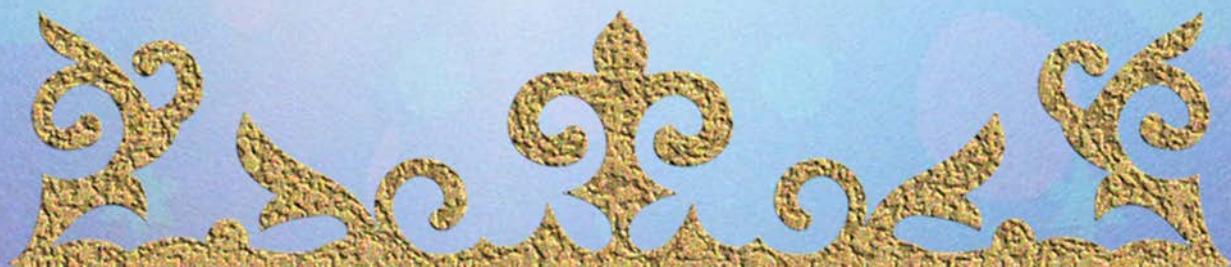
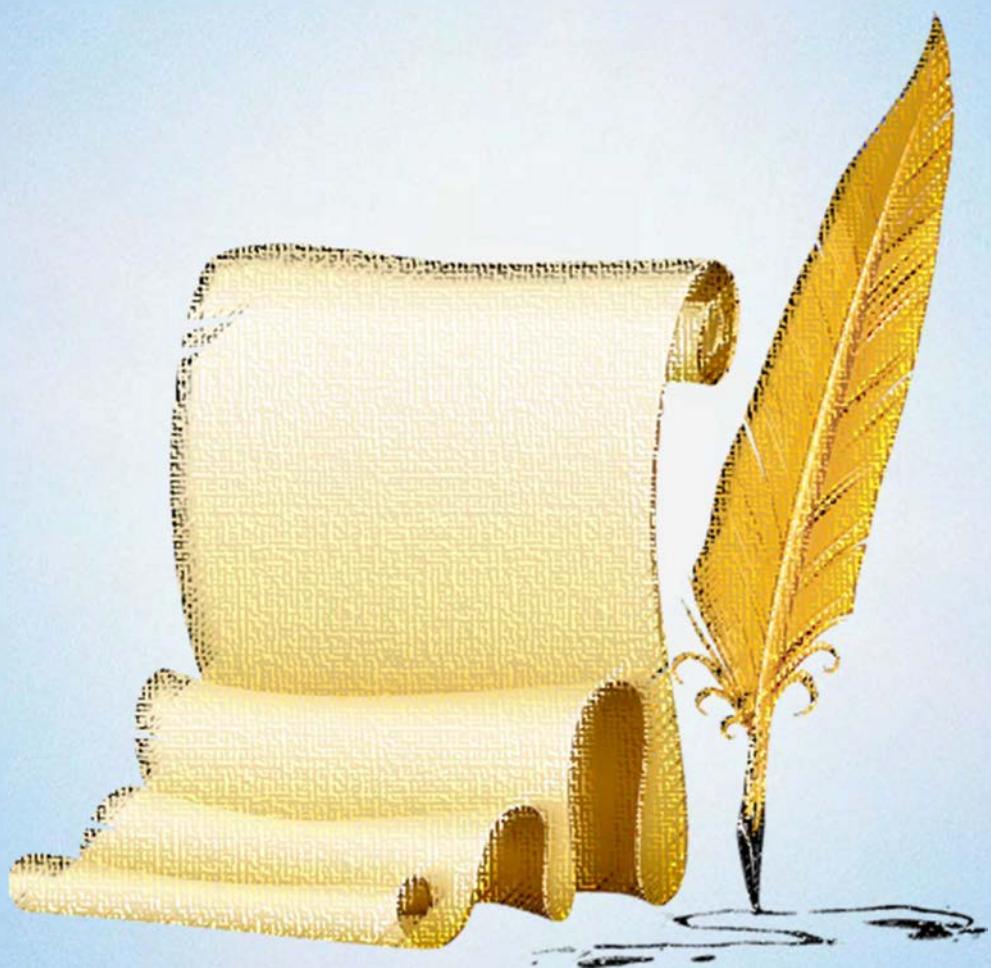
WHEN I was young, we dwelt in a vale
By a misty fen that rang all night,
And thus it was the maidens pale
I knew so well, whose garments trail
Across the reeds to a window light.

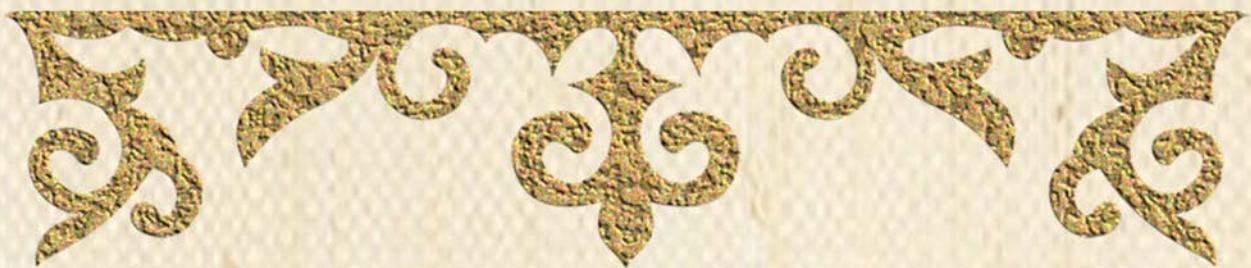
The fen had every kind of bloom,
And for every kind there was a face,
And a voice that has sounded in my room
Across the sill from the outer gloom.
Each came singly unto her place,

But all came every night with the mist;
And often they brought so much to say
Of things of moment to which, they wist,
One so lonely was fain to list,
That the stars were almost faded away

Before the last went, heavy with dew,
Back to the place from which she came—
Where the bird was before it flew,
Where the flower was before it grew,
Where bird and flower were one and the same.

And thus it is I know so well
Why the flower has odor, the bird has song.
You have only to ask me, and I can tell.
No, not vainly there did I dwell,
Nor vainly listen all the night long.

Произведения Роберта Фроста

WORKS OF ROBERT FROST

BOYS WILL
ROBERT FROST

(Лондон, издательство DAVID NUTT, 1913)

PART I

1. Into My Own
2. Ghost House
3. My November Guest
4. Love And A Question
5. A Late Walk
6. Stars
7. Storm Fear
8. Wind And Window Flower

9. To The Thawing Wind
10. Prayer In Spring
11. Flower-Gathering
12. Rose Pogonias
13. Asking for Roses
14. Waiting
15. In A Vale
16. A Dream Pang
17. In Neglect
18. The Vantage Point
19. Mowing
20. Going For Water

PART II

21. Revelation
22. The Trial By Existence
23. In Equal Sacrifice
24. The Tuft Of Flowers
25. Spoils of the Dead
26. Pan With Us
27. The Demiurge's Laugh

PART III

28. Now Close The Windows
29. In Hardwood Groves
30. A Line-Storm Song
31. October
32. My Butterfly
33. Reluctance

NORTH OF BOSTON

ROBERT FROST

(Лондон, Издательство DAVID NULL, 1914)

1. Mending Wall
2. The Death Of The Hired Man
3. The Mountain
4. A Hundred Collars
5. Home Burial
6. The Black Cottage
7. Blueberries
8. A Servant To Servants
9. After Apple-Picking
10. The Code
11. The Generations Of Men
12. The Housekeeper
13. The Fear
14. The Self-Seeker
15. The Wood-Pile
16. Good Hours

MOUNTAIN INTERVAL

ROBERT FROST

(Нью-Йорк, Издательство HENRY HOLT, 1916)

1. The Road Not Taken
2. Christmas Trees
3. An Old Man's Winter Night
4. The Exposed Nest

5. A Patch Of Old Snow
6. In The Home Stretch
7. The Telephone
8. Meeting And Passing
9. Hyla Brook
10. The Oven Bird
11. Bond And Free
12. Birches
13. Pea Brush
14. Putting In The Seed
15. A Time To Talk
16. The Cow In Apple Time
 17. An Encounter
 18. Range-Finding
 19. The Hill Wife
 - I. Loneliness.
 - II. House Fear
 - III. The Smile
- IV. The Oft-Repeated Dream
 - V. The Impulse
 20. The Bonfire
 21. A Girl's Garden
 22. Locked Out
23. The Last Word Of A Bluebird
 24. "Out, Out--"
 25. Brown's Descent
26. The Gum-Gatherer
 27. The Line-Gang
28. The Vanishing Red
 29. Snow
30. The Sound Of Trees

NEW HAMPSHIRE

ROBERT FROST

(Нью-Йорк, Издательство HENRY HOLT, 1923)

1. New Hampshire
2. A Star In A Stoneboat
3. The Census-Taker
4. The Star-Splitter
 - 5. Maple
6. The Ax-Helve
7. The Grindstone
8. Paul's Wife
9. Wild Grapes
10. Place For A Third
 - I. Two Witches
 - II. The Witch Of Coos
- III. The Pauper Witch Of Grafton
 - 11. An Empty Threat
12. A Fountain, A Bottle, A Donkey's Ears, And Some Books
 - 13. I Will Sing You One-O
 - 14. Fragmentary Blue
 - 15. Fire And Ice
16. In A Disused Graveyard
 - 17. Dust Of Snow
 - 18. To E. T.
19. Nothing Gold Can Stay
20. The Runaway
21. The Aim Was Song
22. Stopping By Woods On A Snowy Evening
23. Foe Once, Then, Something

24. Blue-Butterfly Day
25. The Onset
26. To Earthward
27. Good-By And Keep Cold
28. Two Look At Two
29. Not To Keep
30. A Brook In The City
31. The Kitchen Chimney
32. Looking For A Sunset Bird In Winter
33. A Boundless Moment
34. Evening In A Sugar Orchard
35. Gathering Leaves
36. The Valley's Singing Day
37. Misgiving
38. A Hillside Thaw
39. Plowmen
40. On A Tree Fallen Across The Road
41. Our Singing Strength
42. The Lockless Door
43. The Need Of Being Versed In Country Things

WEST-RUNNING BROOK

ROBERT FROST

(Нью-Йорк, Издательство HENRY HOLT, 1928)

1. Spring Pools
2. The Freedom Of The Moon
3. The Rose Family
4. Fireflies In The Garden

5. Atmosphere
6. Devotion
7. On Going Unnoticed
8. The Cocoon
9. A Passing Glimpse
10. A Peck Of Gold
11. Acceptance
12. Once By The Pacific
13. Lodged
14. A Minor Bird
15. Bereft
16. Tree At My Window
17. The Peaceful Shepherd
18. The Thatch
19. A Winter Eden
20. The Flood
21. Acquainted With The Night
22. The Lovely Shall Be Choosers
23. West-Running Brook
24. Sand Dunes
25. Canis Major
26. A Soldier
27. Immigrants
28. Hannibal
29. The Flower Boat
30. The Times Table
31. The Investment
32. The Last Mowing
33. The Birthplace
34. The Door In The Dark
35. Dust In The Eyes
36. Sitting By A Bush In Broad Sunlight
37. The Armful
38. What Fifty Said

39. Riders
40. On Looking Up By Chance At The Constellations
41. The Bear
42. The Egg And The Machine

A FURTHER RANGE
ROBERT FROST

(Нью-Йорк, Издательство HENRY HOLT, 1936)

1. A Lone Striker
2. Two Tramps In Mud Time
3. The White-Tailed Hornet
4. A Blue Ribbon At Amesbury
5. A Drumlin Woodchuck
6. The Gold Hesperidee
7. In Time Of Cloudburst
8. A Roadside Stand
9. Departmental
10. The Old Barn At The Bottom Of The Fogs
11. On The Heart's Beginning To Cloud The Mind
12. The Figure In The Doorway
13. At Woodward's Gardens
14. A Record Stride
15. Lost In Heaven
16. Desert Places
17. Leaves Compared With Flowers
18. A Leaf-Treader
19. On Taking From The Top To Broaden The Base
20. They Were Welcome To Their Belief
21. The Strong Are Saying Nothing
22. The Master Speed

- 23. Moon Compasses
- 24. Neither Out Far Nor In Deep
 - 25. Voice Ways
 - 26. Design
- 27. On A Bird Singing In Its Sleep
 - 28. Afterflakes
- 29. Clear And Colder
 - 30. Unharvested
- 31. There Are Roughly Zones
 - 32. A Trial Run
 - 33. Not Quite Social
 - 34. Provide, Provide
 - 35. Ten Mills

I. PRECAUTION

II. THE SPAN OF LIFE

III. THE WRIGHTS' BIPLANE

IV. EVIL TENDENCIES CANCEL

V. PERTINAX

VI. WASPISH

VII. ONE GUESS

VIII. THE HARDSHIP OF ACCOUNTING

IX. NOT ALL THERE

X. IN DIVES DIVE

- 36. The Vindictives
- 37. The Bearer Of Evil Tidings
 - 38. Iris By Night
 - 39. Build Soil
 - 40. To A Thinker
 - 41. A Missive Missile

A WITNESS TREE

ROBERT FROST

(Нью-Йорк, Издательство HENRY HOLT, 1942)

1. Beech
2. Sycamore
3. The Silken Tent
4. All Revelation
5. Happiness Makes Up In Height For What It Lacks In Length
6. Come In
7. I Could Give All To Time
8. Carpe Diem
9. The Wind And The Rain
10. The Most Of It
11. Never Again Would Birds' Song Be The Same
12. The Subverted Flower
13. Willful Homing
14. A Cloud Shadow
15. The Quest Of The Purple-Fringed
16. The Discovery Of The Madeiras
17. The Gift Outright
18. Triple Bronze
19. Our Hold On The Planet
20. To A Young Wretch
21. The Lesson For Today
22. Time Out
23. To A Moth Seen In Winter
24. A Considerable Speck
25. The Lost Follower
26. November
27. The Rabbit-Hunter
28. A Loose Mountain
29. It Is Almost The Year Two Thousand

30. In A Poem
31. On Our Sympathy With The Under Dog
32. A Question
33. Boeotian
34. The Secret Sits
35. An Equalizer
36. A Semi-Revolution
37. Assurance
38. An Answer
39. Trespass
40. A Nature Note
41. Of The Stones Of The Place
42. Not Of School Age
43. A Serious Step Lightly Taken
44. The Literate Farmer And The Planet Venus

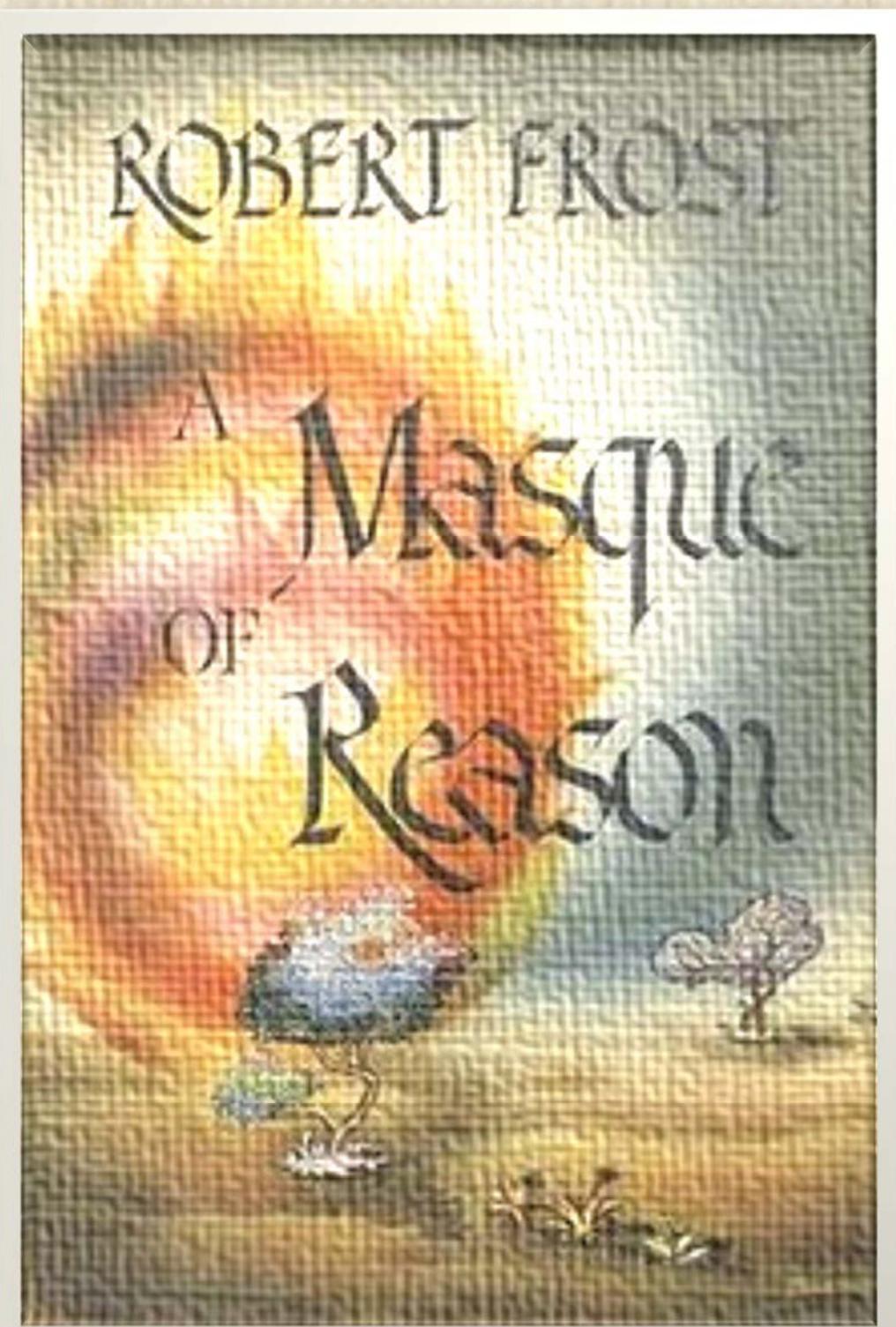
A MASQUE OF REASON

ROBERT FROST

(Нью-Йорк, Издательство HENRY HOLT, 1945)

1. Acquainted with the Night
2. The Death of the Hired Man
3. Fire and Ice
4. The Gift Outright
5. Mending Wall
6. Nothing Gold Can Stay
7. Out, Out...
8. The Oven Bird
9. A Question

10. The Road Not Taken
11. Stopping by Woods on a Snowy Evening
12. Birches
13. After Apple-Picking

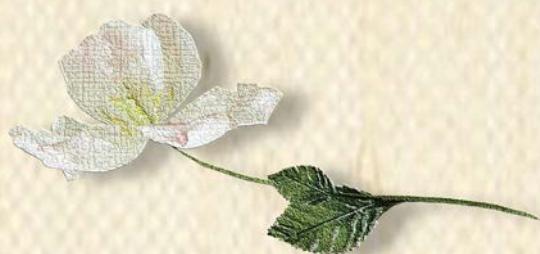

BURSTING RAPTURE
ROBERT FROST
U. S. 1946 KING'S X

1. The Ingenuities Of Debt
2. The Broken Drought
3. To The Right Person
4. "An Afterword" From Complete Poems
5. Take Something Like A Star
6. From Plane To Plane
7. A Masque Of Mercy

A MASQUE OF MERCY
ROBERT FROST
(Нью-Йорк, Издательство HENRY HOLT, 1947)

STEEPLE BUSH

ROBERT FROST

(Нью-Йорк, Издательство HENRY HOLT, 1947)

1. A Young Birch
2. Something For Hope
3. One Step Backward Taken
4. Directive
5. Too Anxious For Rivers
6. An Unstamped Letter In Our Rural Letter Box
 7. To Ancient
 8. Five Nocturnes
 - I. The Night Light
 - II. Were I In Trouble
 - III. Bravado
- IV. On Making Certain Anything Has Happened
 - V. In The Long Night
 9. A Mood Apart
 10. The Fear Of God
 11. The Fear Of Man
 12. A Steeple On The House
 13. Innate Helium
 14. The Courage To Be New
 15. Iota Subscript
16. The Middleness Of The Road
 17. Astrometaphysical
 18. Skeptic
19. Two Leading Lights
20. A Rogers Group
21. On Being Idolized
22. A Wish To Comply
23. A Cliff Dwelling
24. It Bids Pretty Fair

25. Beyond Words
26. A Case For Jefferson
27. Lucretius Versus The Lake Poets
28. Haec Fabula Docet
29. Etherealizing
30. Why Wait For Science
31. Any Size We Please
32. An Importer
33. The Planners
34. No Holy Wars For Them

IN THE CLEARING

ROBERT FROST

(Нью-Йорк, Издательство HOLT, RINEHART AND
WINSTON, 1962)

1. Pod Of The Milkweed
2. Away!
3. A Cabin In The Clearing
4. Closed For Good
5. America Is Hard To See
6. One More Brevity
7. Escapist---Never
8. For John F. Kennedy- His Inauguration
9. Accidentally On Purpose
10. A Never Naught Song
11. Version
12. A Concept Self-Conceived
13. [Forgive, O Lord...]

14. Kitty Hawk
15. Auspex
16. The Draft Horse
17. Ends
18. Peril Of Hope
19. Questioning Faces
20. Does No One At All Ever Feel This Way In The Least?
21. The Bad Island----Easter
22. Our Doom To Bloom
23. The Objection To Being Stepped On
24. A-Wishing Well
25. How Hard It Is To Keep From Being King When It's In You
And In The Situation
26. Lines Written In Dejection On The Eve Of Great Success
27. The Milky Way Is A Cowpath
28. Some Science Fiction
29. Quandary
30. A Reflex
31. In A Glass Of Cider
32. From Iron
33. [Four-Room Shack ...]
34. [But Outer Space...]
35. On Being Chosen Poet Of Vermont
36. [We Vainly Wrestle...]
37. [It Takes All Sorts...]
38. [In Winter In The Woods...]

Содержание

✓ Роберт Фрост ПЕРЕВОДЫ	стр.1
✓ Форзац	стр.2
✓ Роберт Фрост	стр.3
✓ Памяти поэта (краткая биографическая справка)	стр.4

✓ ПЕРЕВОДЫ	стр.12
1. Корова в яблочный сезон	c.14
The Cow In Apple Time	c.14
2. Запертыe снаружи (Как говорить с детьми)	c.15
Locked out (As told to a child)	c.15
3. В оптике прицела	c.16
Range-Finding	c.16

4.	Прочь!	c.17
	Away!	c.18
5.	Зимний Эдем	c.19
	A Winter Eden	c.20
6.	Девичий огород	c.21
	A Girl's Garden	c.22
7.	Листва в сравнении с цветами	c.24
	Leaves Compared With Flowers	c.25
8.	Им не вести Священную Войну	c.26
	No Holy Wars for Them	c.27
9.	Медведь	c.27
	The Bear	c.28
10.	Прощальные слова Синей птички (Как говорить с детьми)	c.30
	The Last Word of a Blue Bird (As told to a child)	c.30
11.	Входи!	c.31
	Come In	c.32
12.	Узы и свобода	c.33
	Bond and Free	c.34
13.	На заброшенном кладбище	c.35
	In a Disused Graveyard	c.35
14.	Открытое гнездо	c.36
	The Exposed Nest	c.37
15.	Встретились и разошлись	c.39
	Meeting and Passing (1920)	c.39
16.	Аутист	c.40
	Not Quite Social	c.41
17.	Отсчет времени	c.41
	The Times Table	c.42

18. Спрашивая розы	c.43
Asking For Roses	c.44
19. Октябрь	c.45
October	c.46
20. Моя бабочка	c.46
My Butterfly	c.50
21. Пан с нами	c.52
Pan With Us	c.53
22. Достойная жертва	c.54
In Equal Sacrifice	c.56
23. Ожидание. За гранью сумрака	c.58
Waiting. Afield at Dusk	c.59
24. Уменьшить вершину, чтобы расширить основание	c.60
On Taking From the Top to Broaden the Base	c.61
25. Все что было	c.62
The Most of It	c.62
26. Пахарь	c.63
Plowmen	c.63
27. Откровение	c.64
Revelation	c.64
28. Брошенные	c.65
In Neglect	c.65
29. Шёлковый навес	c.65
The Silken Tent	c.66
30. Ветру оттепели	c.66
To the Thawing Wind	c.67
31. Весенняя молитва	c.68
A prayer in spring	c.68

32. Сбор цветов	c.69
Flower-Gathering	c.70
33. Затерявшись в небесах	c.70
Lost in Heaven	c.71
34. Моя Ноябрьская Гостья	c.71
My November Guest	c.72
35. Шум деревьев	c.73
The Sound of Trees	c.74
36. Любовь и трудный вопрос	c.75
Love And A Question	c.76
37. Ветер и цветок в окне	c.77
Wind And Window Flower	c.78
38. Астрометафизическое	c.79
Astrometaphysical	c.80
39. Смирение	c.81
Acceptance	c.81
40. Навеки злата нет	c.82
Nothing gold can stay	c.82
41. Вечер в сахарной роще	c.83
Evening In A Sugar Orchard	c.83
42. Песня грозового фронта	c.84
A Line-Storm Song	c.85
43. Жена Холма	c.89
The Hill Wife	c.89
I. Одиночество (Её слова)	c.89
LONELINESS (Her Word)	c.89
II. Страх дома	c.90
HOUSE FEAR	c.90

III. Улыбка (Её слова)	c.91
THE SMILE (Her Word)	c.91
IV. Часто повторяющийся сон	c.92
THE OFT-REPEATED DREAM	c.92
V. Порыв	c.93
THE IMPULSE	c.94
44. Момент беспредельности	c.95
A Boundless Moment	c.96
45. Скептическое	c.96
Skeptic	c.97
46. Однажды с океана	c.97
Once by the Pacific	c.98
47. Пуд золота	c.99
A Peck of Gold	c.99
48. Певун-печник	c.100
The Oven Bird	c.100
49. Господь	c.101
Forgive O, Lord	c.101
50. Обделённый	c.101
Bereft	c.102
51. Розовая Погония	c.103
Rose Pogonias	c.104
52. Удобная позиция	c.105
The Vantage Point	c.105
53. Удивленные лица	c.106
Questioning faces	c.106
54. Они открыты были в споре	c.107
They Were Welcome To Their Belief	c.107

55. Пастбище	c.108
The Pasture	c.108
56. Ремонт стены	c.109
Mending Wall	c.110
57. Соломенная крыша	c.114
The Thatch	c.115
58. Это вполне ясно	c.116
It Bids Pretty Fair	c.116
59. Просто дар	c.117
The Gift Outright	c.117
60. Я времени бы все отдал	c.118
I Could Give All to Time	c.119
61. Кокон	c.119
The Cocoon	c.120
62. Ступающий по листве	c.121
Robert Frost A Leaf Treader	c.121
63. Не станет снова пенье птиц таким	c.122
Never Again Would Bird's Song Be the Same	c.122
64. Призрачный дом	c.123
Ghost House	c.124
65. Canis Major (созвездие Большого Пса)	c.125
Canis Major	c.126
66. Боль во сне	c.126
A Dream Pang	c.127
67. Птаха	c.128
A Minor Bird	c.128
68. Песчаные Дюны	c.129
Sand Dunes	c.129
69. Освобождение месяца	c.130

The Freedom of the Moon	c.130
70. О дереве, упавшем поперёк дороги (Чтоб выслушать)	c.131
On A Tree Fallen Across The Road (To hear us talk)	c.132
71. Падалица	c.132
Unharvested	c.133
72. Вторжение	c.134
Trespass	c.134
73. Сбор листвы	c.135
Gathering Leaves	c.137
74. Бесстрашие новизны	c.138
The Courage to Be New	c.138
75. Наступать нежелательно	c.139
The Objection To Being Stepped On	c.140
76. Звезды	c.140
Stars	c.141
77. Не пройденная дорога	c.141
The Road Not Taken	c.142
78. Квакущий ручей	c.143
Hyla Brook	c.144
79. Теперь закрой окно	c.144
Now close the window	c.145
80. К земле	c.145
To earthward	c.146
81. Не все дома	c.147
Not All There	c.148
82. Трудности учёта	c.148
The Hardship of Accounting	c.148

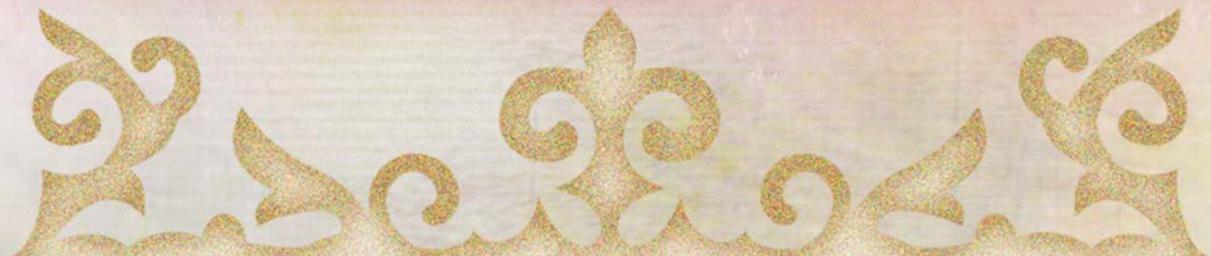
83. Снежная пыль	c.149
Dust of Snow	c.149
84. В лиственных лесах	c.149
In Hardwood Groves	c.150
85. Во мне	c.151
Into my own	c.151
86. Весенние лужи	c.152
Spring pools	c.152
87. Не нужные	c.153
In Neglect	c.153
88. Мимолетное видение	c.153
A Passing Glimpse	c.154
89. Но космос	c.155
But outer Space	c.155
90. Огонь и лед	c.155
Fire and ice	c.157
91. Пядь жизни	c.157
The Span Of Life	c.157
92. Познавший ночь	c.157
Acquainted With The Night	c.158
93. Страхи вьюги	c.159
Storm Fear	c.159
94. Пустынные места	c.160
Desert Places	c.161
95. Никогда не убегающий	c.161
Escapist—Never	c.162
96. Гороховая поросль	c.162
Pea Brush	c.163
97. Шаг назад	c.164

	One Step Backward Taken	c.165
98.	После снега	c.166
	After flakes	c.166
99.	Проходя незамеченным	c.167
	On Going Unnoticed	c.168
100.	Два странника в распутицу	c.168
	Two Tramps In Mud Time	c.171
101.	Дверь без замка	c.173
	The Lockless Door	c.174
102.	Во время ливня	c.175
	In Time of Cloudburst	c.176
103.	Последний час	c.177
	Good Hours	c.178
104.	Урок пения	c.179
	The Aim Was Song	c.179
105.	Заложенное в семени	c.180
	Putting in the Seed	c.181
106.	Вглядываясь в созвездия	c.181
	On looking up by chance at the constellations	c.182
107.	Соринка в глазу	c.183
	Dust in the Eyes	c.183
108.	Цветочная лодка	c.183
	The Flower Boat	c.184
109.	Тень облака	c.184
	A Cloud Shadow	c.185
110.	Что сказали мои пятьдесят	c.185
	What Fifty Said	c.186
111.	Авгур	c.186
	Auspex	c.187

112. Упряжная	c.188
The Draft Horse	c.188
113. Взрывной восторг	c.189
Bursting Rapture	c.190
114. Письмо без марки в нашем сельском почтовом ящице	c.191
An Unstamped Letter in Our Rural Letter Box	c.192
115. Вопрос	c.194
A Question	c.194
116. Время для беседы	c.195
A Time to Talk	c.195
117. Поздняя прогулка	c.196
A Late Walk	c.196
118. Клочок старого снега	c.197
A Patch of Old Snow	c.197
119. Светлячки в саду	c.198
Fireflies in the Garden	c.198
120. Солдат	c.199
Soldier	c.199
121. Сорванец	c.200
To a Young Wretch (Boethian)	c.201
122. Отсчет времени	c.202
The Times Table	c.202
123. В заснеженном лесу	c.203
Stopping by Woods on a Snowy Evening	c.204
124. За водой	c.205
Going for Water	c.206
125. Осложнение	c.207
Quandary	c.208

126. Сенокос	c.209
Mowing	c.209
127. О птице, поющей во сне	c.210
On a Bird Singing in Its Sleep	c.210
128. Лунный циркуль	c.211
Moon Compasses	c.211
129. Дерево за окном	c.212
Tree at my window	c.212
130. Осколки синевы	c.213
Fragmentary Blue	c.213
131. Середина дороги	c.216
The Middleness of the Road	c.216
132. Горстка цветов	c.217
The Tuft Of Flowers	c.219
133. В долине	c.221
In a Vale	c.222

- ✓ Произведения Роберта Фроста стр.224
Works of Robert Frost
- ✓ Содержание стр.240
- ✓ Форзац стр.251
- ✓ Окончание стр.252

Роберт Фрост

«Памяти поэта» (краткая биографическая справка)
ПЕРЕВОДЫ

Редактор: **AMIDALA**

Художественный редактор: **AMIDALA**

Технический редактор: **YODA**

Ответственный за выпуск: **YODA**

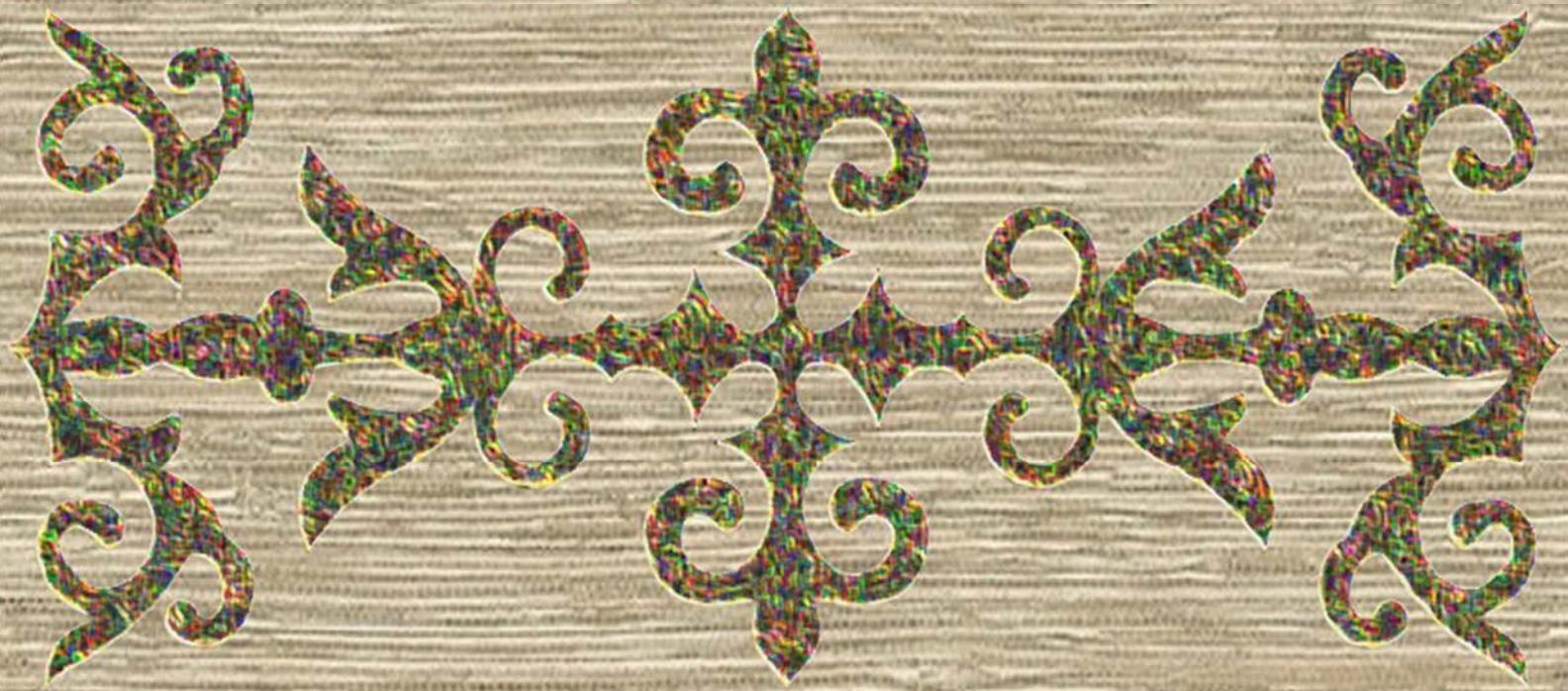
Оформление: **AMIDALA**

Утверждено к публикации: 31.01.2016

Формат документа: (A4) 27,9 x 21; 252 стр.

Тираж: Без ограничений.

2016 год